

Георгий Скрипкин

Крестики да нолики

Издательские решения
По лицензии Ridero
2017

УДК 82-3
ББК 84-4
С45

Скрипкин Георгий
С45 Крестики да нолики / Георгий Скрипкин. — [б. м.] :
Издательские решения, 2017. — 258 с. — ISBN 978-5-4483-
6313-9

УДК 82-3
ББК 84-4

16+ В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

Сомнение чувств

Жулики и лохи

Куда ни глянь, сплошные жулики.
Не бандюганы и не дурики.
Для них мы лохи и ханурики.
Они под масками не прячутся,
У них дела другого качества.

Они улыбками нас потчуют
И на делах сосредоточены.
Манеры лгать у них отточены.
И мы несем им деньги с радостью,
Не ощущая вкуса гадости.

А час прозрения не радует,
Ведь он гласит, что нас ограбили,
Сыграв ва-банк на нашей слабости.
Но позабыв о прошлом шулерстве,
Мы вновь идем в объятья к жуликам.

Зависть

Зависть корежит сознание,
Стреляет холодным взглядом.
Душит стоящих рядом
С бешеным причитаньем.

Зависть — предвестие фальши,
Крушащей основы быта.
Черной фатой укрыта
Искренность в катафалке.

Зависть — орудие слабых,
По жизни людей никчемных.
Нет в них ни грамма чести,
Жить им в мещанском рабстве.

Загул

В голове только секс и шмотки,
Да вальтов разномастных колода.
Ты не ищешь в общении брода,
Похваляясь душой обормотки.

А в глазах колобродит зелень
После каждой бредовой пирушки.
Чем ты лучше простой побирушки,
Только тем, что в распущенном теле.

Только тем, что длиннее ноги
И открытей, податливей груди.
Да таких даже бог не осудит,
Потому что с лицом недотроги.

Но не век красотой швыряться,
Потускнеет прокуренный образ.
Отразится хмельная виновность
Перед тем, как с надеждой расстаться.

Игра в невинность

Ты многое по жизни повидала
И многое могла бы рассказать,
Но скомкано худое покрывало,
Зашторились невинностью глаза.

Я знаю эту гнусную невинность,
Но верю, как законченный паяц,
В пародию на юную наивность,
В нелепицу, что шепчешь, не таясь.

Зазывалы

Я по Невскому иду, думу думаю одну.
Ничего не замечаю, никого не привечаю.
А чего здесь замечать?
А кого здесь привечать?

Вдруг откуда не возьмись появился рыжий лис.
Он листовку мне сует, в магазин меня зовет.
А за ним лохматый мальчик поманил меня в подвальчик
на дешевенький обед. Я ответил ему — нет.

Длинноногая девица пригласила похмелиться.
Я бы дал ей по губам, но не бью юнцов и дам.
Чуть не сбил верзила с ног, предлагавший казино.
А небритый гамадрил мне здоровье посулил.

Я решил скорей убраться, чтоб соблазнам не поддаться.
Спешно с Невского свернул и в харчевню заглянул.
Без рекламного посыла
Там хлебнул и закусил я.

Земля моя...

Земля моя, планета средь планет,
Прости, что мы тебя бездумно топчем,
То сушим, то купаем в новых топях,
То недра твои пользуем на нет.

Я вижу, как ты искренне добра,
По мудрому щедра и терпелива.
Но где ж тогда людская справедливость,
Способная не делать новых ран.

Дождемся мы всевышнего суда,
Осудят нас за блажь и бессердечность.
Терпение моей Земли не вечно,
За ней сегодня праведный удар.

И моя боль

Гормоны беспредела будоражат Украину,
На запах откликаются прозападные псы.
Бойцовские с Америки взбираются на спину,
На древке развиваются их звездные трусы.

Пристроилась за порцией еврейская тусовка,
Не все еще поделено в украинской земле.
Молодчики с обрезам мелькают для массовки,
И это их мелькание замешано на зле.

Не век царить политике, замешанной на злобе,
Мне хочется на лучшее сегодня уповать.
Растет росточек разума в украинской утробе,
И верю я, насилию его не растоптать.

Испытанный сценарий

Аромат лозы в фужерах, тусклый свет свечи,
Я люблюсь своей жертвой, спрятаны ключи.
Звуки чувственного танго нам ласкают слух.
Для меня всего лишь тайна нескольких минут.

Для меня сценарий пьесы писан на года.
Жить с любовью интересно, только не всегда.
Ты — любовь моя сегодня, завтра, может, нет,
Не от каждой из негодниц оставляю след.

Не для каждой сохраняю в сердце уголок
Не храню ее орнамент, насладившись в прок.
Я ценю свою свободу, ненавижу сглаз.
Вот и ты, ходячий ботекс — женщина на раз.

Истерия

Истерия, истерия, истерия.
Вирус ненависти впрыснут в подсознание.
Перешел вкусивший власть от говорильни
К перекрою мирной жизни наизнанку.

Истерия выворачивает души,
Истерия нынче с рабским послушанием.
Вкус насилия пьянит и разум глушит.
А без разума — история без шанса.

А без разума кровавые разборки
С частоколами кладбищенских повторов,
Безразличие к свалившемуся горю
И кощунственное пиршество восторгов.

Но наступит час расплаты над насильем,
Мир осудит отмороженных ублюдков.
Я уверен, зная правды над Россией,
Потому что в ней живут такие люди.

Какая же...

Блудливая, какая же блудливая,
Беспутною любовью прокаженная.
Ты с юности не ведала пугливости,
Срываясь на минуты унижения.

Фартовая, какая же фартовая,
Красою неземною одаренная.
За первое признание готовая
Отречься от сомнения и скромности.

Желанная, какая же желанная,
Входящая в сознание недотрогою.
Свербишь незаживающе раною,
И боль мне не унять целебной логикой.

Коварная, какая же коварная,
С глазами очарованного ангела.
С душою не прощающего варвара,
Безжалостно плодящего страдание.

Коварство

Милая, какая ты красивая,
звезды на тебя не наглядятся.
Взглядом ты доводишь до бессилия,
глянешь, так и хочется отдаться.

Скромно обволакиваешь нежностью,
тешишь задушевыми словами.
Слезы осушаются надеждою,
скрашенной тобой и образами.

Тут же просыпается доверчивость,
в памяти дремавшая до срока.
Как же мы бываем опрометчивы,
Как же мы бываем однобоки.

Нет страшней слепого наваждения,
сдобренного жаждой отдаваться.
Действовать минутным наслаждением —
верная методика коварства.

Корысть

Корысть — заразная болезнь,
Она страшней других пороков.
Ее подпитывают лести
И зависть, ждущая под боком.

Корысть из тьмы выводит страсть
С нелепой жаждою наживы.
И, осмелев, имеет власть
Над нервом совестливой жизни.

Корысть с предательством на ты,
Предать — не грех, была б доходность.
Глаза не ест зудящий стыд,
Не треплет робкая нервозность.

Корыстолюб имеет знак,
Знак барыша немалой доли.
Его не трудно распознать
И излечить, была бы воля.

Крестики, да нолики...

Крестики, да нолики — детская игра.
Где же вы, соколики, лучшие года?
Жизнь моя беспечная — школа, да футбол.
Недотроги вечером — не забитый гол.

Вздохи и страдания — не моя печаль.
Выбрала желанного друга, привечай.
Растрепались волосы, защемило грудь,
Раззадорься голосом, распоеется грусть.

Подмигни, глазастая, я к тебе примчусь,
И от губ заждавшихся вряд ли оторвусь.
Крестики, да нолики — детская игра.
Пронеслись, как молнии лучшие года.

О прошедших радостях нечего жалеть.
Бодрячком по старости легче умереть.

Крик души

Вам ненасытным златопитающим,
Вечно жующим пороки и страсти
Я завещаю иное пристанище
Вместо покоя духовного рая.

Вас бы загнать в лоно жизни праведной,
Где погибают по вашей указке.
Но не хотите на поле брани вы,
Вам уготованы брони отмазки.

Ну почему бог не видит странности.
Гибнут не те, кто заказывал бойню.
Кто заказал, тот плывет от радости,
И богатеет на пакостных войнах.

Люди, не будьте пушечным топливом,
Вы же не доноры вечно жующих.
Им не дано даже малой толики
Крови и слез для людей живущих.

Лживая хвалебность

Я Вам открыл не только душу,
Я Вам открыл интим стихов.
Вы их старались скромно слушать,
Питаясь рифмой между слов.

Вы осторожно восхищались,
Потупив свой наивный взор,
Но каждый раз, когда прощались,
Плели восторженный узор.

Я верил в искренность восторгов,
Улыбкой радовал глаза.
А вы — добычица историй
Творили козни за глаза.

Я с той поры уже не верю
В елей хвалебной мишуры.
Опять хвала, закройте двери,
Идите вон, в тартарары.

Ложь

Есть ложь во спасение, есть ложь от испуга,
Есть ложь — отторжение от лучшего друга.

В заначке политиков есть множество видов.
Есть лживость для нытиков, есть ложь для элиты.

Потоками лживости смывается правда.
И нет уже живости в общении с собратом.

Мадам Лицемерие выходит на сцену,
Кичится размерами, пеняет на цену.

Речами слащавыми дурит слабовольных.
Сливает на шалости убойную вольность.

Преступные каверзы питаются ложью.
Страницы discovery сомнения гложут.

Любовный парадокс

Моя любимая, курносая девчонка,
Мой колокольчик первозданной чистоты.
Как я люблю твою задиристую челку
И в ясном взгляде прорывающийся стыд.

Как мне приятно слушать страстное журчанье
Твоих по-детски не засаленных речей.
И наши встречи же, конечно, не случайны,
Поскольку ты сейчас ничья, и я ничей.

Но ты пойми мою обветренную душу,
Я не готов вливать в тебя былую страсть.
Прижмись ко мне и только разумом послушай
Как грудь пылает от невысказанных ласк.

Мне каждый взгляд твой отдается в сердце болью
И застревают в горле рифмы нежных слов.
Я не хочу тебя ласкать мужской любовью,
А ты возьмешь ли в дар отцовскую любовь?

Любовь сошла...

Любовь сошла на станции без нас.
Я к Питеру прижался, ты — к Москве.
Меж ними не возник иконостас,
Который бы напутствовал говеть.

Прилипчива московская тусня,
Заманчива арбатская купель.
Запачкалась невинная весна,
Раскраской, не похожей на пастель.

Не раз я возле станции искал
Любви не запыленные следы,
Но кто-то их манерно затоптал,
Избавив мою душу от беды.

Любовь уехала опять

Любовь уехала опять,
забрав с собою солнце.
Но я не буду горевать
и мучиться бессоньем.

Я зарядился от любви
здоровым оптимизмом.
Зови меня скорей, зови
и встреча будет близкой.

Ну, а пока я пью до дна
остаток поцелуя,
За то, что есть любовь одна
и не хочу другую.

Любовь

Когда стреляет женщина глазами,
Не падай под ее смешливым взглядом.
Представь, что для нее ты самый-самый
И сделай ее милой и желанной.

Откроются под робкою смешинкой
Любви еще не тронутые клады.
И станут ваши чувства смыслом жизни,
И будет в вашей жизни только радость.

И будет симпатичный человечек
Вещать о продолжении династии.
Любовь, она рассчитана на вечность.
Храни ее от будущих ненастий.

Люди добрые...

Люди добрые, земляки мои,
Перестаньте вы харахориться,
А не то мороз грянет холодом,
Да метелью злой ветер кинется.

Ветер кинется, снег завьюжится,
Занесет вокруг все тропиночки.
Не найдет пути милый к милочке,
В танце свадебном не закружится.

Не закружится, не обнимется,
Поспешит домой не целованный.
И закончится родословная
На краю села его именем.

Так покайтесь же перед Господом,
Распахните вмиг души грешные.
Растворятся в тьме злые лешие,
Добры ангелы будут в гости к вам.

Мама

Мама!

В этом слове жизни воплощение,
Таинство священного начала.
Так мы величаем милых женщин,
Для которых дети — это счастье.

Мама!

Это слово первым произносит
Маленькое чудное создание.
То, что кроме радости приносит
Сладкие мгновения мечтаний.

Мама!

Это слово с криком вылетает
В миг, когда терзают испытанья,
И когда усыпано цветами
Ложة исполняемых желаний.

Мама!

Это слово шепчется последним
Смертью окропленными губами.
Это слово дарят по наследству,
Веря в нескончаемую память.

Материнское начало

Материнское начало
в женщине любой,
Только если повстречалась
чистая любовь.

Только если звезды светят
в небе для двоих.
Только если злые ветры
дуют мимо них.

Даже если растревожит
чувства ураган,
Сердце женщины не сможет
детство отторгать.

Попадаются кукушки
в облике жены.
Их запачканные души
миру не нужны.

Мать и дитя

Дитя мое, что может быть дороже.
Златой песок не стоит и мизинца.
И бриллиант с его небесной синью
Мне не затмит приятность детских ножек,
И детских ручек нежное касанье
Дороже мне объятий чернобурки.

Мне радость глаз дороже изумрудов,
А детский лепет краше дивной песни.
Мое дитя — священные хоругви.
Мне суждено с дитем моим воскреснуть.
Спасибо, бог, за чудное творенье
И за святое жизни продолженье.

Машины

Машины, машины, машины,
Им мало уже тротуаров.
Поникли деревьев вершины
От копоты и от угара.

И слышатся стоны газонов,
И плачут взрыхленные клумбы.
И город, разбитый на зоны
Из членов лихих автоклубов.

Коптится унылое детство,
Страдает от выхлопов старость.
Мучительно автососедство,
Безжалостна автобездарность.

Мне не важно...

Мне не важно, любят или нет
Мой надрыв, озвученный хореем.
Я писать без чувства не умею,
Вот уже последних сорок лет.

Я любить без чувства не могу,
Но не чту страдальческие муки.
Нежный образ в длительной разлуке
Я в своем сознаний берегу.

Мечта

В золотой карете мчится
дерзкая мечта.
Как бы мне не отключиться
и ее достать.

Прокатиться бы с мечтою
к звездному костру.
Там узнать любви истоки,
кто мой враг, кто — друг.

Там найти одну, кто сможет
взглядом покорить.
С ней делить святое ложе
и благодарить.

Но растаяла карета
в дымке суетной.
Я виню судьбу за это,
торопясь домой.

Мечты

Мечты, мечты, куда вы приведете?
А суждено ль на старости мечтать?
Мечтать легко на юношеском взлете,
Когда свободой хочется дышать.

Когда призывны солнечные дали
И так заманчив белый пароход.
Мы в нашу юность многое видали,
Но нам хотелось вновь идти в поход.

Но нам хотелось новых приключений,
И новых тайн, ведущих за собой.
Не в повторений наше мать-ученье,
Мы всем нутром искали новый бой...

...Так за мечтами годы пролетели.
Одно сбылось, другое не сбылось.
Мечты в бегах, а думы постарели,
Но в жизни много сделать удалось.

Медведь и хомяк

На вольной ниве жил хомяк,
точней хомяцкое отродье.
Умел плясать он краковяк
и по сусекам колобродить.

Продрав глазенки ото сна,
он тут же что-нибудь хомячил.
Свербила мозг мечта одна,
как бы медведя одурачить.

Уж больно был богат медведь,
да и не в меру простодушен.
И брал хомяк с медвежьих недр
лишь за слова в медвежьих ушах.

А за словами ни шиша
по вредной алчности хомячьей.
Но дал медведь последний шанс
и время «Ч» ему назначил.

И вот вертится наш хомяк,
как уж на жаркой сковородке.
Медведь взирает на бардак
и тихо реквием заводит.

Моим родным

Милые мои девчонки —
Ира, Лера и Поинка.
Кто с брюнетистой челкой,
кто в облиии блондинки.

Я люблю вас всех безмерно
за душевную открытость.
И любовь ту не измерить
никаким теодолитом.

Вы в моей унылой жизни
словно бабочки-веснянки.
Я горжусь прекрасным призом,
что дала судьба-беглянка.

Мой ребенок

Мой ребенок самый лучший,
У него такие глазки.
Я беру его на ручки,
Не жалею нежной ласки.

У меня отличный мальчик,
Мой единственный соколик.
Дай мне маленькую ручку,
Провожу тебя до школы.

У меня не сын, а прелесть,
Просто вылитый красавчик.
Ну и что, что он в апреле
Свою мамочку оставил.

Навалилась грузом старость —
Однобокая повинность.
Сын, конечно, не подарок,
Но ведь он — моя кровинка.

Моя стихия

Стихией ворвалась в мою обитель,
Накинулась разящею пантерой.
На кресло полетели брюки, свитер,
Осталось лишь заждавшееся тело.

Я в бездну улетаю и возвращаюсь
На крыльях лучезарного блаженства.
И с жизнью не единожды прощался
В объятиях от перенапряженья.

Взлохматились растрепанные кудри,
Потрескались искусанные губы.
Я ласковой стихии не забуду
Ни в праздник, ни в растроченные будни.

Моя сторонка

Стоит изба у тихой речки,
Туман стремится в холодок.
Ворчит береза в жерле печки,
Огонь резвится молодой.

У печки бабка суетится,
Бурлит картошка в чугушке.
Блудливый кот в ногах вертится,
Сверчок пригрелся на шестке.

Лохматый пес лежит под лавкой,
А в мыслях сахарная кость.
На стенке млеет балалайка,
Давно не брал заезжий гость.

В углу старинная иконка,
Лампадки древней тусклый свет.
Жива, жива моя сторонка,
Коль в избу просится рассвет.

Моя судьба

Я судьбу свою листаю
И бессмысленно делю
На все то, что стало тайной
И все то, что я люблю.

Мне в судьбе хватило былей,
Были сказки иногда.
Иногда меня любили,
Я ж любил людей всегда.

Тешил душу альтруизмом,
Пил хвалебную бурду.
И использовал мелизмы,
Украшая ерунду.

А под гнетом конъюнктуры,
Было дело, отступал,
Но зеленые купюры
Я за совесть не менял.

Мужицкая тусовка

Хороша мужицкая тусовка,
Не бокалы в моде, а стаканы.
За столом не урки-уркаганы,
За столом любители массовки.

Как приятны первые минуты,
Стук стаканов звоном отдается.
Пей, соколик, может и срастется,
Пей до дна, чтоб вдруг не разминуться.

Пей же, пей, уважь свою компашку,
Поделись любовною победой,
Не смотри на хмурого соседа,
Он до нас осилил полторашку.

Я уже не вижу дна стакана,
Я уже не слышу брань соседа.
Все в дыму, и мне не до победы,
Целый вечер в преисподню канул.

Муки ожидания

Еще неделю ждать ее, еще неделю,
Но это меньше, чем двухмесячная тишь.
Я смою счастьем холостую запустелость,
И вот тогда моя родная прилетит.

Но тормозят движенье стражи циферблата,
И новый день никак не хочет уходить.
Ах, время, время, ты не вертись по блату,
А рифмой слов тебя никак не убедить.

Желаньем глаз тебя никак не поторопишь,
Избытком чувств тебя никак не охмуришь.
Ну почему ты застываешь на пороге,
Ну почему ты ей навстречу не летишь?

На берегу Невы

На склоне солнечного дня
иду к понятливой Неве
Спешу сомнения унять,
что копошатся в голове.

Стою у берега один,
волна касается камней.
Покой выходит из воды
и расстилается во мне.

Спасибо, милая Нева,
за то, что можешь врачевать
Противный зуд душевных ран
и сердца скорбную печаль.

За то, что радуешь глаза
спокойной поступью волны.
Прости, что волю дал слезам,
но мы с тобой сейчас одни.

Надрыв

Не хочу быть запасным аэродромом,
Не хочу, вскрывая душу, ждать посадки.
Не хочу, имея крышу, быть бездомным.
Не хочу терпеть бредовые повадки.

Не люблю я оцифрованные ласки,
Не люблю дышать холодным поцелуем,
Не люблю дешевый триллер делать сказкой,
Не люблю в реальной жизни быть холуем.

Я готов делить с любимой свое ложе,
Я готов идти с любимой на край света.
Я готов, но только ты уже не сможешь.
Я готов, но крик душевный без ответа.

Нажать на кнопочку

Чудный дворик, детская площадка,
Здесь с утра резвится детвора.
Ты пришла с игрушечной лошадкой,
Я пришел, имея два шара.

Мне хотелось поиграть с лошадкой,
Но владела пультом только ты.
Я отдал тебе красивый шарик,
А еще на шарике цветы.

Ты рискнула взять красивый шарик
И совсем по-взрослому сказать:
Я тебе за шарик разрешаю
Вот на эту кнопочку нажать.

Пролетели годы незаметно,
Вышла ты с мобильником в руке.
Предложил я рифму на замену
В сочиненной нежностью строке.

Ты стрельнула глазками, прощаясь,
И успев с иронией сказать:
Я тебе, конечно, разрешаю
Вот на эту кнопочку нажать.

Наша жизнь

Наша жизнь — крылатые качели,
То к вершине, то с паденьем вниз.
То любовью скрашенный сочельник,
То безумством сорванный круиз.

Я тебя люблю и ненавижу,
Не хочу общенья, но ищу.
А увидев, словом не обижу,
Поцелуем нежным защищу.

И пока деревья не проснулись
От игривых солнечных лучей,
Уведу в прохладу росяную
К устью рек со связкою ключей.

Бьют ключи из недр земного счастья,
В них искрится радужная жизнь.
Напою тебя святым причастьем,
Только ты свой норев придержи.

Не хочу я тебя...

Не хочу я тебя ни голую,
ни в залапанном пеньюаре.
Разве можно хвалиться с гонором
тайной пройденных вакханалий.

Разве можно за пайку пошлости
насладиться любовным действием
И забыть про цветное прошлое,
что желанием красит детство.

Разве можно волной крепленого
заливать возвращенье в юность,
Где бывало чуть-чуть крапленого,
но уже расцветала мудрость.

Разве можно, а в прочем, без толку
конопатить прогнивший разум
И бороться с развратным бедствием,
что любовь поливает грязью.

Небо синее

Небо синее, я вновь хочу взлететь.
Вновь хочу свободой насладиться.
Мне бы свежим воздухом напиться,
И тогда не страшно будет умереть.

Я взгляну на нашу землю с высоты,
Помолюсь с высот ее красотам.
Попрощаюсь с жизнью беззаботной,
Дотянувшись до несбывшейся мечты.

Нева

От Ладоги до Финского залива
Выводит путь строптивая Нева.
У стен Орешка кажется пугливой,
А в град Петра заходит весела.

Ее веселье в радужном течений,
В волшебных бликах солнечной волны.
Биенье волн — источник вдохновенья,
С ним люди верят, что они вольны.

Неве к лицу гранитная оправа
И ожерелья питерских мостов.
Глядит достойно в реку берег правый,
А слева Зимний кланяться готов.

И проступает в водах величавость
От отраженья прелести дворцов.
И принимают невские причалы
Восторги яхт, судов и катеров.

Невские звоны

Нева страхнула лед, открылась перед солнцем,
Игровою волной ласкает берега.
Приветствует ее с высокой колокольни
Божественный аккорд от Павла и Петра.

Разносит чудный звон по невской акватории,
И он с речной водой вливается в залив.
Глашатай добрых дум и вещей дух истории,
Хранитель невских зорь и праведной земли.

Недописанное письмо

Своей любви слагаю этот стих.
Пишу рукой решительной, но нежной.
Дворовый пес за будкою притих
И сторожит последнюю надежду.

Я благодарен псу за тишину.
Он из простых, но чуток и отзывчив.
В своих строках хочу вернуть весну,
Что отличалась радостью призывной.

Нам ту весну уже не повторить,
Но милый образ будет мне наградой.
И я готов любовь благодарить
За страстный взгляд, что мне дарует радость.

Лохматый пес за будкой заскулил,
Моя рука застыла над бумагой.
Не дописал опять, не долюбил.
Ну что поделать, значит так и надо.

Нежность

Вот если б мир нам нежностью укрыть,
Вот если б землю нежностью укутать.
Тогда про горе можно бы забыть
И черствость душ осилить, не тоскуя.

Дарует счастье нежная рука
И без лекарств излечивает боли.
Я так хочу, чтоб нежности река
Не иссушалась невниманьем боле.

С каким теплом ласкает нежный взгляд,
Под ним любовь, как роза, оживает.
Я вызываю нежность на парад,
И пусть она по городу шагает.

Некрасивых женщин не бывает.
Каждая по-своему красива.
Женская краса не увядает,
Годы ее красят с новой силой.

Красит материнское начало
Радужным свечением заботы.
Красит проявившаяся шалость
В день, когда приходит беззаботность.

Красит и наивное поверье
В слезную естественность кручины.
Красит нескончаемая верность
Милому, любимому мужчине.

Ненависть

Все пожирающая ненависть
инфекционно опасна.
Ее обшарпанное мнение
звучит всегда громогласно.

Она беснуется на площади
испепеляя сознание.
И никакой конкретной логики
ты у нее не узнаешь.

Она не бряцает оружием,
а лишь дает его в руки.
Подобострастные хорунжие —
ее послушные слуги.

И выжигается безжалостно
ее огнем добродетель.
И ненавистными пожарами
все превращается в пепел.

Неужели...

Неужели я тебя придумал,
Неужели образ твой из смога?
Тормошат меня бывшие думы,
Я кричу: «Уйдите, ради Бога».

Я лечу от прошлого к иному,
Тянут вниз пудовые вериги.
Не могу любить я по-другому,
Не хочу общаться только с ликом.

Я живу несбыточной надеждой,
Мне исход судьбою предначертан.
Только звезды светят, как и прежде,
И закат по-прежнему вечерний.

Ночная бездна

Ты умоляешь бездну ночи,
А ночь тревожит сон.
Летает рифма между строчек
С тоскою в унисон.

Святое таинство разлуки
Сквозит в твоих стихах.
Дрожат натруженные руки
И не уснуть никак.

И чем темней ночная бездна,
Тем сокровенней слог,
Но весь мотив душевной песни
Похож на эпилог.

Ночная темь

Закат укрылся бодрячком
в ночную темь.
Луна протиснулась бочком,
спровадив день.

Зовет ведунья-темнота
на звездный час.
Зажглась нагая красота
влюбленных глаз.

А где-то ухаает сова,
пугая страсть,
Но задушевные слова
для новых ласк.

И только розовый рассвет
усилил звень
И приоткрыл входную дверь
в привычный день.

Огонь Олимпиады

Как вестник мастерства и символ доброй воли
Над Сочи возгорел огонь спортивных игр.
И я который день Олимпиадой болен.
Отрадно, что со мной болеет целый мир.

Вращается Земля, ликуют континенты.
Заполнен пьедестал, но проигравших нет.
В историю войдут спортивные моменты,
И олимпийский бог добром украсит свет.

Частишки доброты заглушат жерла пушек
И отведут прицел от мирных городов.
Пусть только гул трибун ласкает богу уши,
Свой голос в этот гул и я внести готов.

Ночь воспоминаний

Милый друг, притихшие качели
Не тревожат наш уснувший двор.
Я смотрю на звездное веселье
И тебя упрятавший забор.

Нежный взгляд, оставленный на память,
Я храню в сознании до сих пор.
А слова запомнились местами,
Где любви заметный перебор.

Частокол надуманных сомнений
Разделил влюбленные сердца.
И остались ночи откровений
Без красот прогулки до венца.

Знаю я, что свет воспоминаний
Освещает твой житейский путь.
Пролистай историю мечтаний
И стряхни хламиду прежних пут.

А когда сойдет туман сомнений,
Ты вернись с любовью в отчий дом,
И сердца сольются в упоении
Не на этом свете, так на том.

Одиночество

От одиночества пытаюсь убежать,
но скорости реально не хватает.
Она, как клещ, тоской меня цепляет,
и этой пытки мне никак не избежать.

Она, настырная, бессовестно жужжит
о скверной сути прежнего ухарства.
И чую я, что нет того лекарства,
что помогло бы муки ада пережить.

Бреду по улицам, желая отыскать
знакомых лиц живые силуэты.
Совсем немного нужно для поэта —
взглянуть в глаза и добрым словом обласкать.

Ожидание

От ожидания прививок не создали,
И человечество всегда чего-то ждет.
От пошлых грешников исполненной морали,
От моралистов неприглядный анекдот.

Одни на севере ждут у моря погоды,
Другие страсти ждут на южных берегах.
И только милости не ждётся у природы,
Она хиреет в человеческих руках.

Озарение

Я порой бросаю дело
И стремглав лечу на Невский,
Там ловлю мгновенья прозы
И стихи с названием «жизнь».

В такт шагам стрекочет рифма,
И приходит озаренье.
Без намека на признание
Я стихами говорю.

Но никто меня не слышит,
Уши заняты беруши.
Ну и пусть, такое горе
Как-нибудь переживу.

И опять приду на Невский,
Нахлебаюсь озареньем,
Буду ямбом и хореем
Славный Питер воспевать.

Олимпийский огонь

Величие страны в каскаде фейерверков
И взвившийся огонь в ночную благодать,
Как символ неземной со знаком общей веры
В российскую судьбу с обильем светлых дат.

Мы все перемогли и все преодолели.
Все потому, что есть народное плечо,
Все потому, что есть возвышенные цели.
Не зря же русский дух с победой обручен.

Гори огонь, гори, храни Олимпиаду.
Посланцы мастерства напишут новый том.
Пусть сильным игрокам достанутся награды.
Пусть игры принесут надежду в каждый дом.

Пагубная трусливость

Трусоват нынче народец европейский.
В каждом русском им мерещится медведь.
Стоит русскому ребенку зареветь,
как в Европе запевают трусопесни.

В каждой бабушке им видится десантник.
В каждом юноше — коварный диверсант.
И от дрожи, если верить чудесам,
за гранату выдают конфетный фантик.

Что же стало с европейскою отвагой?
Что случилось с европейскою судьбой?
Россиянину не нужен смертный бой,
а Европа нам грозит клыками НАТО.

Так и целит на российские просторы,
как когда-то в грозовых сороковых.
Но финал сегодня будет роковым,
предрекающим Земле конец истории.

Памяти погибшей девушки

Кусок бездушного металла,
Один единственный кусок.
Пробит цветущий лепесток,
Еще одной судьбы не стало.

Не досмотрев красоты жизни,
Закрылись юные глаза.
Пускай прожжет моя слеза
Стратегов мерзкого цинизма.

Пусть правосудие свершится
При мирном свете бытия,
И пусть очистится земля
От всех носителей фашизма.

Паралимпийцам

Я восхищаюсь, восхищаюсь, восхищаюсь
Любовью к жизни, силой духа, верой в разум.
И после Сочи ни на грамм не сомневаюсь,
Что у злорадных выбит повод для сарказма.

Спасибо вам, преодолевшие невзгоды.
Спасибо вам, не потерявшие надежду.
В моей груди бурлит воспрянувшая гордость,
Которой больше не прикрыть клочком одежды.

Пасха

Пасха, звон колоколов разливается в округе.
Мы поклоны бьем челом, видим ангелов друг в друге.

Просветленные глаза и доверчивые лица.
Чтобы доброго сказать, с кем бы счастьем поделиться.

Налетай на куличи, пробуй крашеные яйца,
Нас никто не уличит в пошлой роли тунеядца.

Разговейся, друг, ухой, зачерпни погуще ложкой.
Не кричи, я не глухой, только где большая плошка?

Нынче выпить не грешно нам божественной наливки,
Только чтоб не сбила с ног, ну, да видно, ты не хлипкий.

Эх, гуляй, гуляй, народ после постного томленья.
Время светлое грядет, жизнь готовит перемены.

Певучая душа

Когда у мужика поет душа?
Вопрос, конечно, очень интересный.
Давай порассуждаем, не спеша,
Без пафоса, горячности и лести.

Душа поет от первой сотни грамм,
А дальше не поет, а подвывает.
Как хочется еще чуть-чуть добрать,
И мало нам, конечно, не бывает.

Еще душа певуча за рулем
До первого гаишника иль пробки.
А после мы опять себе нальем
Бодрящей, веселящей душу водки.

Еще душа поет от женских ласк,
От близости столь нежного создания,
От прелести ее зовущих глаз.
Какое же без водки испытанье.

Первый шаг

Я женщине несу любовь
в бутоне каждой розы,
В строке лирических стихов
и в скромной строчке прозы.

Я ей дарю сапфир любви
в душевном обрамлении.
Мой нежный взгляд теплом увит,
а душу жжет томленье.

И пусть горит моя душа,
и мечется в сметений.
Я сделал только первый шаг
от чувственных сомнений.

Перед выпадением в осадок

Птицей вольной в одночасье
стал сегодня я, друзья
и познал свободы счастье.
Жизнь моя теперь с нуля.

Захочу, в пивной застряну,
захочу, в бордель зайду,
захочу, студентом стану,
захочу, с ума сойду.

Вот такая перспектива
нынче, братцы, у меня.
Подналейка водки в пиво,
допьяна гуляю я.

Перед школой

Сентябрь уже стучится в двери.
По всей стране готовность школ.
Притихли в парках карусели,
И стих порыв со словом «гол».

Сейчас внимание к школьной форме
И к оформлению новых книг.
Планшеты то ж не для проформы
И не для будущих интриг.

Теперь в ходу не только буки,
А ноутбуки подавай.
И их берут не ради скуки,
А для стремленья познавать.

Прощай расслабленность каникул,
Прощай беспечная пора.
Теперь за парту и за книгу.
Любимый класс, гип-гип ура.

Письмо в Союз писателей

Я в вашу богадельню не ходок,
Поэзия на ладан дышит.
Снуют проклятья между строк.
Душевный крик никто не слышит.

Я столько злобы не видал
В любом загаженном бедламе.
Ужель добра вам Бог не дал,
Что вы бухтите только лаем?

Ворчит серегинский хорей,
Гундосит мальцевская рифма.
Других достойных козырей
Вы мне, пииты, не открыли.

Письмо...

Письмо мое не рви и не сжигай.
Из вен оно струилось на листок.
Я жизнь свою не стану прожигать,
Не стану метить порохом висок.

Любовь свою в ломбард не понесу,
Там чувствам безутешным грош-цена.
Я страсть готов попробовать на слух,
Ты только не молчи, а дай мне знать.

А впрочем, ты по-прежнему вольна.
Твоих вериг забвения не снять.
Твой образ улыбается во снах,
И чувственность любви мне не унять.

Пляжный отдых

Пляж заполняется людьми, конец озерной глади.
Они пришли не по любви, а развлечений ради.
Со дна навязчивая муть грязнит глаза и уши.
Настырный ветер-баламут прохладой лезет в души.

Бурлит озерная вода, вскрываются бутылки.
Стопарь на двести — ерунда, чуть меньше четвертинки.
Визжит в экстазе ребяшня, охочая на брызги.
Им для игры не хватит дня, а новый день не близко.

Летит над пляжем и водой хмельная матерщина.
Озвучил мат, и с плеч долой недельная кручина.
Не терпит брань интеллигент и прячется под зонтик.
Ну почему дозорный мент до пляжа не доходит?

Народ купается в дымах шашлычного кострища.
И только пес не при делах, он нервно сучку ищет.
Толпа наелась, напилась, до дури накурилась.
Машины с ревом завела и в спешке удалилась.

Хозяин пляжа, рыжий пес складировует объедки.
Чего-то съел, чего-то снес заждавшейся соседке.
Накрыло землю воронье с надеждой поживиться.
Ему, конечно, не дано на сей бардак дивиться.

Подлость

Подлость врожденную выявить можно,
В гены заложены вирусы подлости.
Подлость вскормленную выявить сложно,
Нам не даются причины доподлинно.

Подлость ребенка без долгих последствий,
Он или шкода, иль маленький жадина.
Взрослая подлость — стихийное бедствие,
Все, что вмещает понятие гадина.

Подлость при технике — стимул аварий,
Беды несущий с немалыми жертвами.
Подлость политика — войны и свары,
В них кровотоцит насильная жертвенность.

Слабые духом сдаются кликушам
И заражаются вирусом подлости.
Сильные духом инъекции глушат
И не считают свершенное подвигом.

Покажи свою слабость...

Покажи свою слабость,
отвори неприступный сундук.
В нем сокрыто мое основное желание —
Передать тебе радость
из мужицких, решительных рук
В виде верной любви, а не в знак подаянья.

Я сумею осилить,
что доселе осилить не мог.
Я пройду сквозь огонь к обоюдному счастью.
Пусть останется в силе
только прежний девичий зарок,
Да раскроется вновь озорное участие.

Поле Куликово

Белый снег и небо голубое,
А меж ними тишь, да благодать.
Вот такие блага в чистом поле,
Где сошлась когда-то в битве рать.

Где летели кони друг на друга,
Приминая раненых в траву.
Все смешалось, конские подпруги
Прикрывали ратников во рву.

В знак победы знамя развивалось
С православным вышитым крестом.
Русский дух вовеки не сдавался,
Защищая с честью отчий дом.

И теперь летает дух российский
Над землей, где тишь, да благодать.
Я прижался к тоненькой осинке,
Постарался чувства передать.

Помойка

Под окном моим помойка как обменный пункт.
Кто-то щедрый бросил мойку, а другой умкнул.

Кто-то выбросил с клопами плюшевый диван,
А другой клопов оставил, а диван забрал.

Раскученная стенка долго не ждала.
Сам физрук на переменке стенку разобрал.

В одночасье приоделся на помойке бомж.
И его приятель смелый приоделся тож.

Рассказала бы о многом старая кровать,
Но старьевщик без подмоги не сумел забрать.

В общем, нужная помойка разделяет всех
На людей, кто что-то может и на неумех,
На людей, кто скуп до дури и кто щедр с лихвой.
Оказаться в данной шкуре может не любой.

Портрет Лопухиной

Портрет Лопухиной перед глазами,
Подаренный товарищем по детству.
От взгляда никуда порой не деться.
Портрет я ставлю вровень с образами.

Богиня, урожденная графиней,
С блуждающей чарующей улыбкой,
С доверчивой душой и нежным ликом,
Прообраз древнегреческой Афины.

Мечтательная русская Джоконда
Притягивает юной красотой.
Не хватит мне внушительного тома,
Чтоб оду восхищения закончить.

Да я и не готов для окончанья,
Настоль сильны флюиды притяженья.
Я чувствую волшебное влечение
К божественному милому созданью.

Портрет

Портрет твой бережно рисую
На глади мокрого песка.
Холодный ветер не рискует
Отправить солнце на закат.

И только взбалмошные чайки
Не ценят творческий порыв,
Открыли песенные чакры,
Бросают с неба свой надрыв.

От их крикливого надрыва
Дрожит творящая рука.
А волны Финского залива
Ползут ко мне издалека.

Они ползут и сатанеют
Как страшен их тревожный гул.
В который раз я не сумею
Создать твой взгляд, унять тоску.

Поэт и время

Лихое время для поэта,
Культурный рэкет, чем он лучше
Его бандитского собрата.
Сживают бездари со света
Своих коллег на всякий случай
С утра до самого заката.

Кромсает нож поэторубки
Добро несущих в мир развратный
И в души сеющих надежду.
Из зарифмованных обрубков
И переверстанных заплаток
Кроят поэзии одежды.

Посредник

Я смотрю на тебя через брызги шампанского.
Ты — одна из немногих, кто не лезет мне в душу.
В твоём взгляде ловлю что-то дерзкое, шпанское
И не верю в наивность симпатичных веснушек.

Недопитый фужер вновь становится звонницей,
А мне хочется впиться затяжным поцелуем.
Но позволить нельзя этой маленькой вольницы,
Так как вечер с шампанским — мой единственный случай.

Мой притушенный взгляд вызывает участие.
Озорная улыбка распаляет веснушки.
Недопитый фужер разбиваешь на счастье ты,
Говоришь, что посредник в нежных ласках не нужен.

Предательство

Предательство в народе не в чести.
Цена его — растоптанные судьбы.
Его ни оправдать и ни простить
Не может человеческий рассудок.

Предательство не меряют родством,
Ему не придают национальность.
Поэтому в любой открытый дом
Его приход поистине реален.

В мгновение его не распознать,
Предательские нотки не расслышать.
Еще трудней измену осознать
И с грустью обнаружить ее близость.

Вдвойне больней, когда надежный друг
Трясет тебя в предательских объятьях,
С изменой раскрывается не вдруг,
А только с наступленьем верной даты.

Прости

Смывает дождь твой чудный образ
с мольберта летнего окна.
И вновь встает привычный облик,
где я один, и ты одна.

Вошла в тебя, неожиданно, осень
с набором скомканной тоски.
И ты уже любви не просишь
в контексте песенной строки.

И я не мерзну в ожидании
твоих горячих, нежных ласк.
Я принимаю эту данность,
сказав «прости» в последний раз.

Пьющая женщина

Стакан бормотухи иль джина поллитра —
сверххраняя цель беспробудной мечты.
Чем больше вливает, тем яростней злится
на горькую правду мирской суеты.

Ее раздражают невинные шутки,
ее будоражит младенческий плач.
Забыться б на час, иль хотя б на минутку,
но душит сознание незримый палач.

И с каждым стаканом душа остывает,
смывается сила былой красоты.
Пусть кто-нибудь скажет, что так не бывает.
Мы видим нередко паденья следы.

Разбросал я...

Разбросал я свою потенцию
По колдобинам зланных мест,
И едва мое эго теплится,
Вызывая душевный протест.

Я сегодня смотрю на женщину
Через призму прошедших лет.
И уже не страдаю жжением,
Соблюдая нейтралитет.

Вы простите меня, родимые,
Но, видать, такова судьба.
Не блудить мне ночами дивными
От танцулек до женских бань.

Руслану Проводникову

Руслан Проводников — сын матушки России,
Единственный боксер народности манси.
Противников своих крушит не только силой,
Он в тактике боев особенно красив.

Но волею судей лишается победы.
И только потому, что верит до конца
В порядочность людей и в благородство света,
А судьи не спешат приветствовать бойца.

Соперник на полу, глаза уже заплыли,
Нокдаунов не счесть в решающем бою.
И тренер восхищен, и зрители влюбились,
Но судьи победить Руслану не дают.

Как трудно победить в американском ринге,
Победный результат в нокауте глухом.
Так бей же, друг Руслан, их джебом, кроссом, свингом
А мы в который раз на бой к тебе придем.

Рыбалка

Сижу на озере, смотрю на поплавок,
Быть может, клюнет маленький карасик.
А он плывет себе в глубинах вод
И не горит моей интимной страстью.

Играет утка с солнечным лучом,
Малой кузнец стрекочет возле вербы.
И я не знаю, песнь его о чем,
Но, что хорошая, я в это верю.

Забрел на озеро бродячий кот,
Он не рыбак, но рыбкой поживится.
Не строй мне глазки, ты большой проглот,
Я в этом смог реально убедиться.

Еще вчера, взглянув в твои глаза,
Я вдруг прочел такую бездну скорби.
Мне эту скорбь усилила слеза,
И я скормил карасиков, не споря.

И тут ожил скучавший поплавок.
Он задрожал и скрылся под водою.
Я потянул, от напряжения взмок.
Пришел крючок не с рыбой, а с травой.

Бродячий кот с издевкой посмотрел,
И, почесав в отчаяний за ухом,
Пошел к тому, кто выловить успел.
Его поступок будет мне наукой.

Санкции

Сидит мужик американский
и рубит сук, на чем сидит.
Он не один, такой засранец,
сидит с Европы троглотит.

Топор в руках американца
кромсает в щепки толстый сук.
И нет управы на поганца,
его, быть может, вознесут.

Быть может, сделают героем
за череду топорных дел.
Но говорят, рубить — не строить,
здесь явно виден беспредел.

А сук все тоньше, щепок больше,
и вот уже знакомый треск.
Засранец взвыл от резкой боли,
похоже вовремя не слез.

Сбитый Боинг

Это не маразм и не кошунство,
Вскормленные скудостью души.
Это не простое вольнодумство,
Всплывшее с украинской глуши.

Это сверхциничная расправа
С сотнями искромсанных судеб.
Бог вам не давал такого права,
Вас осудят в праведном суде.

Вас осудят, это, несомненно,
Только пассажиров не вернешь.
Снова бултыхается во гнев
Ваша нескончаемая ложь.

Слышится за западную бранью
Дикий разрастающийся вой.
Вы хотите сделать сбитый лайнер
Поводом для Третьей мировой.

Свинья и шеф

Свинье по жизни не везло,
Хоть и напудривала рыло,
Пред шефом землю носом рыла,
Но шеф не видел, как назло.

Похрюкав скромно в уголке,
Свинья обиделась на шефа.
Ей стало вовсе не до смеха,
И вот наш шеф уж на крючке.

Копать под шефа принялась
Свинья с неистовою силой.
И стал подкоп ему могилой,
Свинья ж в карьере поднялась.

К морали басни присмотрись,
Она от бед тебя прикроет.
Являясь шефом, берегись
Всех тех, кто носом землю роет.

Сенной рынок

На Сенном, да на рынке,
там чего только нет.
Там торгуют блондинки
с бывшим цветом «брюнет»

Там с высоких прилавков
отдают за гроши
Замореную травку
и мореный киш-миш.

Там с желанием взвесят
помидорную гниль
И с улыбкой отвесят
грушевидный горбыль.

Там навесят старушкам
первоклассной лапши.
Подставляй только уши,
да судьбой не греши.

В общем, сервис отменный,
и товар, тоже, класс.
Только хочется смены
в тот же день, в тот же час.

Слеза

В прошедшей жизни бесшабашной
Моя слеза была скупой.
Она не делала поблажек
Ни женской доле, ни мужской.

Она в багаж сдавала жалость,
Поймав удачу за рога.
Минуя нищих, убеждала,
Не мне протянута рука.

При виде скорбного начала,
Когда хотелось пореветь,
Слеза за мной не поспевала,
Застрыв в раздумии у век.

И вот теперь, на склоне жизни
Слеза готова окропить
И счастья горную вершину,
И горя порванную нить.

Слезы

Не берегите слезы на потом.
Сама собой слезлива старость.
В ее глазах слезится радость,
Слезится горе, что приходит в дом.

Не сохраняйте чистую слезу
И не стыдитесь тратить чувства.
Страдать душой равно искусству,
В нем облегченье слезы вам несут.

Вы не жалейте все о пустом,
Гоните прочь все наносное.
В беде и в радостном застолье
Не оставляйте слезы на потом.

Советы

Мне говорят родные и друзья —
Не стоит принимать все близко к сердцу,
В общении встречается и серость,
А серость без восторженных рулад.

Не нужно обреченность понимать,
И глупость не достойна пониманья.
Я разумом советы принимаю,
Но сердцем не могу никак принять.

Солнечная фея

Вы вышли из озера солнечной феей,
На фоне заката июльской жары.
И тут же хмельные глаза ротозеев
Наполнились шармом телесной игры.

Их взгляды впивались в роскошное тело,
Срывали купальник, бесстыдство уняв.
Вы сделали вид, что и вам захотелось
Одних приглубить, других приобнять.

Блуждающим взглядом отчаянной самки
Вы смело пошлись по мужским телесам.
Вот этот хорош, но одними усами,
А этот подходит по карим глазам.

А этот самец отличается носом,
Большим животом отличается тот.
Вот этот уж точно останется с носом,
А тот так и будет сидеть под кустом.

А тот ..., впрочем, хватит играть в недотрогу,
Пойду я к тому, кто с искринкой в глазах.
Но я обратился к притихшему богу,
И вы утолили мой хищный азарт.

Сочи олимпийский

У Черного моря на сочинском взморье
Огонь олимпийский горит.
Дивятся рекордам предгорья и горы,
Болельщиков море бурлит.

Волнуются в Сочи зеленые пальмы
И яркие клумбы цветов.
А судьи считают спортивные баллы
В обоях секунд и очков.

На сочинский праздник глядят миллионы
Со всех континентов и стран
Известных людей и совсем не знакомых.
И Сочи вниманию рад.

Он рад мастерам и ценителям спорта,
Которых нельзя перечесть.
У снежных вершин, и морского курорта
Любителей нынче не счесть.

Спасибо, милая

Спасибо, милая
За то, что сжалилась,
За то, что мимо шла
И опечалилась.

За то, что руку мне
Дала решительно.
Теперь подруга ты
С душой вершителя.

Благодарю тебя,
За зов спасительный
С волной приютною
И убедительной.

Я возродился вновь
Твоею ласкою,
Потоком нежных слов
С грустинкой Лазаря.

Старость

Старость порой ворчлива,
старость порой занудна,
старость порой слезлива,
старость порой безлюдна.

Снимем ее ворчливость
скромным теплом улыбки.
Сбросим велеречивость
в мусорный бак ошибки.

Сдобрим ее занудство
старой застольной песней.
С нею легко вернуться
в прошлые годы вместе.

Примем ее слезливость
за красоту эмоций.
Высушим терпеливо
слезы бессонной ночи.

Скрасим ее безлюдность
доброй волной участия.
Этим даруем ключик
к маленькой доле счастья.

Статуэтка

На камине статуэтка,
пью с нее укор.
Наши встречи стали редки,
в ссорах перебор.

Ты, когда ее дарила,
пела про любовь
И меня благодарила
за цветную новь.

Но прошел букетный праздник,
розы отцвели,
Стала жизнь страшнее казни,
дрязги завелись.

От тоски огонь камина
не растопит лед.
Знать любовь промчалась мимо,
больше не придет.

Стимул

Иван-чай, да Марья-кофе.
Вот житуха, хоть куда.
Я бутылку с водкой-профи
раздолбанил навсегда.

Чай попил и полон силы,
кофе выпил, не ослаб.
Я теперь живу красиво,
я теперь не алкораб.

Заодно и с никотином
завязал я на корню.
И теперь имею стимул —
выбрать девку, не одну.

Счастье

Вслед за раскатом громовым ушло ненастье.
Мне вместе с солнечным лучом явилось счастье.
Оно с усталого лица свело морщины,
Страхнуло с плеч моих следы былой кручины.

Я любовался в тишине величьем моря,
Со мною чайки на волнах не смели спорить.
Вдали лазурный горизонт вливался в небо.
Мне захотелось убежать туда, где не был.

Туда, где неба синева сдается звездам,
И где заведуют землей сплошные весны.
Туда, где ждет фруктовый рай мои желанья
И распускаются цветы очарованья.

Твоя любовь

Помню долгий, безрадостный вечер,
Но твое виртуальное «здравствуй»
Подарило мне нежную вечность
И большую, реальную радость.

Я плескался в любовной купели,
Наслаждался теплом поцелуя.
Расставаться совсем не хотелось
В обрамленное бархатом утро.

Я с восторгом тогда любовался
На твои золотистые кудри,
Отдавался любовному вальсу,
Ощущая прекрасные груди.

От желания выросли крылья,
От хандры ничего не осталось.
Ты любовью своей одарила
Человека, идущего в старость.

Товарищ мой...

Товарищ мой, мой милый школьный друг.
Давненько мы с тобою не встречались.
И вести от тебя пропали вдруг,
и сны приходят полные печали.

Прошу тебя, на просьбу отзовись,
прерви свое никчемное молчанье.
Давай перелистаем нашу жизнь
и скрасим будни искренним участием.

Примчись ко мне и байку травани,
из уст твоих прекрасны анекдоты.
Мы вспомним про безбашенные дни,
любовью заполнявшие пустоты.

И, как всегда, бутылку разопьем
за здоровье и тех, кто упокоен.
Но почему безвременным дождем
смывает состояние покоя.

Только ночь

Посмотри мне в глаза,
подари лучезарность улыбки,
Окуни тепло рук
в серебристый орнамент висков.

И скажи мне слова
про разлуку, что стала ошибкой
И про то, что любовь
не имеет ревнивых оков.

Я, как прежде, уткнусь
в ароматы французского лета
И почувствую легкость
твоих золотистых кудрей.

Мне так мало дано,
только ночь для любви до рассвета,
А потом тишина,
да прохлада открытых дверей.

Триада

Коварство, ненависть и алчность —
Триада всех прошедших войн.
Она любого одурачит,
Кто с неразумным естеством.

Она крушит ракетой совесть
И давит танком героизм.
На ней немало рабской соли,
Ей неизвестен альтруизм.

И все кровавые деянья
Она творит в слащавой лжи,
Сливая горе и страданья
На отвратительный режим.

Когда ж не будем ждать подачек
И грянем все: «насилие вон».
Коварство, ненависть и алчность —
Триада всех прошедших войн.

Ты вернулась ко мне...

Ты вернулась ко мне, ты вернулась
И, как солнышко, мне улыбнулась.
Даже осень весною запахла,
И воскресла любовь, что зачахла.

Я дышу наступившей весною,
Не один я дышу, а с тобою.
И душа моя песенной стала,
И глаза добротой заблестали.

Звезды в небе с особым усердьем
Нам раскрыли огромное сердце,
И луна осветила округу,
Улыбаясь небесному кругу.

Я купаюсь в живительном счастье
При твоём вдохновенном участии.
Благодарно слезинка блеснула,
Ты вернулась ко мне, ты вернулась.

У стоматолога

Я стал глупей на целый зуб,
Меня обчистил стоматолог.
Он был со мной немного груб,
Но срок приема был недолог.

«Откройте рот», — воскликнул он.
Потом скомандовал: «Пошире».
Я был немного удивлен,
Раззявил рот, куда уж шире.

Своей могучей пятерней
Он взбудоражил мою челюсть,
Язык подпортил заодно,
Довел меня до отключенья.

Когда очнулся, понял я,
Что с зубом мудрость удалилась.
Ну как теперь мне жить, друзья?
Такая жизнь мне и не снилась.

Украинская стихия

Бушует ветер не по-русски,
Заметен западный манер.
В нем нет ни жалости, ни грусти,
Один надменный экстерьер.

А за надменной оболочкой
Кошмар бессмысленных разрух.
Волна смешенья дня и ночи,
Скопление горестных разлук.

Смывает радужные будни
Потоком слезного дождя,
Тревога мечется подспудно
От спазм всеядного огня.

Творцам разнузданного ветра
Плевать на жертвенный поток.
В крови их нет славянской веры,
И вся надежда на Восток.

Украинская сторона

Сторона душевная, певучая,
Хлебосольным богом освященная.
Что же ты свою землю мучаешь?
Что же корчишься, как прокаженная?

Разгулялись нынче злыдни лютые,
Разлетались в небе черны вороны.
И стоят в дыму поля безлюдные,
И пожух нектар в садах от пороха.

Блекнет солнышко под плотной дымкою,
Воздух плавится от стаи огненной.
И скорбят избенки нелюдимые
По разбитым ивам малой родины.

Устал я...

Устал я, устал я от жизни,
Скорей бы безбрежная ночь.
Ослабли иссохшие жилы
У дряблых и немощных ног.

Закрылась душа и сегодня
Ее я не смог распахнуть.
Промчались душевные годы,
И мне их уже не вернуть.

На солнце проклюнулись пятна,
Которых вчера не видал.
И клен мой похож на распятое,
И дом как сибирский централ.

Мелькают знакомые лица
В какой-то седой пустоте.
И не с кем судьбой поделиться,
И вещие сны уж не те.

Ушедшая душа

Уходят люди тихо, незаметно.
Жил человек, и вот его уж нет.
И душу унесло попутным ветром,
А вот куда — ненайденный ответ.

Летит душа, свободная от тела,
Куда-то ввысь, к далеким небесам.
Ушло тепло из скомканной постели,
И соль слезы не лупит по глазам.

Все тот же дом, скрипучее крылечко.
Все тот же клен на волжском берегу,
Но и они не зарятся на вечность,
Без той души их вряд ли сберегут.

Футбольный фанат

Он болен, безнадежно болен
Игрой с названием футбол.
Раз заболев, уже не волен
Сдержан эмоций выплеск он.

Его неведомая сила
Корежит так, что боже ж мой.
Орет он лозунги красиво,
Спустив болельщицкий гормон.

Под звук петард ломает кресла,
Крушит преграды на пути.
И игроку он может треснуть,
И заваруху замутить.

Болезнь фанатская заразна,
Жесток губительный микроб
И кровожаден раз за разом.
Уж полон жертв фанатский гроб.

Фотография

Я смотрю фотографию
на старинном картоне.
Без компьютерной графики,
без кричащего фона.

Из далекого прошлого
дорогие мне люди,
старинной припорошены
дед Иван с бабой Любой.

Взгляд суровый у дедушки,
добрый взгляд бабы Любы.
Просто дедушка сдержанней,
баба Люба всех любит.

Ах, как хочется в прошлое,
под крыло деда с бабой.
Знаю, только хорошее
там меня позабавит.

Но в далекое прошлое
мне добраться не выйдет.
Дорогих моих родичей
не увижу живыми.

Хороший человек

Хороший человек — это должность
Или звание за заслуги?
А, может быть, это только
Награждение за услуги?

И может ли быть хорошим
Человек, отключивший память,
Или тот, кто стреляет ложью,
Или тот, кто с дурной компании?

Мне нетрудно искать ответы
На поставленные вопросы.
Человек хорош, тем, что светел,
И в стихах и в банальной прозе.

Человек хорош тем, что радость
Отдает в максимальной доле.
Человек хорош тем, что рядом
И в беде, и в постигшем горе.

Хорьки

Хорьков на белом свете много,
В любой стране живут хорьки.
Без дела их не нужно трогать,
Богаты вонью те зверки.

Одни из них над золотом чахнут,
Другие бомбы мастерят.
Иные к музыке причастны,
Но все готовы больше брать.

Дурманит вонь звериный разум,
И, как елей, коробит дух.
И звери в распрях видят праздник,
Круша надежду в прах и пух.

Хитро хорьковое семейство,
Но разгадать возможно цель —
Хорьками править повсеместно,
Зверей же зрить через прицел.

Червь сомнений

Червь сомнений точит, точит,
Прибавляя червоточин.
Я противлюсь червяку,
Но осилить не могу.

Больно вредный тот червяк,
С ним не справиться никак.
Он сомненья запускает
И бесследно исчезает.

А сомненья гложут, гложут
И болезни нервов множат.
Нервы злобствуют и тут
Осложненья настанут.

Лучше жить без осложнений,
Без сомнительных решений.
Как бы вынуть червяка
И намять ему бока.

Чувство любви

Нет сильнее чувства, чем любовь.
От него вскипает в жилах кровь.
От него кружится голова,
Застревают нужные слова.

Нет коварней чувства, чем любовь.
От него теряется любовью.
Сердце замирает, а затем
Делаешь, что раньше не хотел.

Нет светлее чувства, чем любовь.
Свет такого чувства видит бог.
От его немеркнувшей свечи
Звезды зажигаются в ночи.

Нет целебней чувства, чем любовь.
От него пройдет любая боль.
Зрячим вдруг становится слепой,
Слухом обзаводится глухой.

Нет милее чувства, чем любовь.
К нежному общенью будь готов,
Застели постель из лепестков
Полевых и солнечных цветов.

Шепни ей, Боже...

Ты на турецком берегу,
я на волнах залива.
Я докричаться не могу,
ведь гордость не криклива.

Смотрю на солнечный овал,
и ты на солнце смотришь.
Я тоже в Турции бывал
под солнечным присмотром.

И как тебя меня волна
ласкала и дразнила.
Я знаю, ты там не одна,
мне женщина приснилась.

Готов к измене, но молю
всевидящего Бога:
«Шепни ей, Боже, что люблю
и сделай недотрогой».

Эх, молодка...

Я жалею, что рано родился
Всякий раз, как завижу молодку.
Так и хочется с горя напиться
И раззявить луженую глотку.

Так и хочется глянуть маньяком
На ее загорелое тело,
Иль завывать одичавшей собакой
В интерьере холодной постели.

Раззадорилась старость на муки,
Разлохматила чувства и страсти.
Эх, молодка, взяла б на поруки,
Сберегла бы меня от напасти.

Эх, судьбинушка...

Эх, судьбинушка, судьбина,
растуды твою туды.
Не жалеешь ты для сына
ни удачи, ни беды.

Зацелованный удачей,
я по жизни рисковал.
Иногда метелил сдачей,
иногда взаймы давал.

Разномастные ухабы
растрясли мою печаль.
Ой, простите меня бабы,
что любил не всех, а жаль.

Я в глазах твоих себя не вижу...

Я в глазах твоих себя не вижу,
Поволокой затянуло взгляд.
Отцвела весною наша вишня,
И цветенье не вернешь назад.

Не вернешь румяные закаты
И рассветы с пеньем соловья.
Я пьянел тогда не от муската,
От любви кружилась голова.

От волненья расправлялись крылья,
В нежной ласке закипала кровь.
Путь к надежде мы с тобой открыли,
Только к ней не привела любовь.

Я не желаю...

Я не желаю сердце в клочья рвать
И запивать дешевым обещаньем
Твое хотение не гадить и не лгать,
Твои желания, похожие на шаржи.

Я скомкал лист последнего письма,
Я сжег любовь в бушующем камине.
Как холодна коварная зима,
Как жжет виски седин колючих иней.

Прополоскать бы душу побыстрей,
Да только где найдешь такое средство.
Теперь я пленник скорбных пустырей,
И тишины зацикленный посредник.

Я к тебе...

Я к тебе с душой открытой,
ты в нее плюешь.
Мой браслет с любовной нитью
беспощадно рвешь.

Мои письма расписные
в клочья теребишь,
И глазами озорными
сердце бередишь.

Занавешиваешь окна
хмурой темнотой.
Я, как путник одинокий,
брежу с пустотой.

Разговариваю с трелью
твоего звонка.
И стою, стою под дверью
в позе тростника.

Раскрывай скорее ставни,
к чувствам допусти.
Я упрям, я не отстану,
ты меня прости.

Я оголяюсь...

Взяла в полон январская метель.
Мои мечты скукожились в сугробе.
Я заливаю чаркой свою робость
В неумолимой снежной пустоте.

Я оголяюсь в прозе и в стихах,
Кладу на лист обшарпанные мысли,
В которых нет ни разума, ни смысла.
Тупая боль застряла на устах.

Я эту боль не в силах обуздать,
Она с издевкой гнет мои потуги,
Внушает мне — расстанься с милым другом,
Который смог вчера тебя предать.

И я кричу в январскую метель:
Не тормози мою хмельную душу,
Я не хочу больных советов слушать,
Купаться в счастье — это мой удел.

Я пью...

Я пью дешевое вино
с нектаром южной Алазани.
Испить не каждому дано
печальный привкус предсказаний.

Я пью, и терпкий аромат
тревожит пылкое сознание.
Всплывает только компромат
из недр шальных воспоминаний.

Я пью, и черные глаза
глядят с ухмылкой из потемок.
И мне нельзя вернуть назад
любви приятную истому.

Я не хочу, но, все же, пью
с вином душевную отраву.
И, может быть, сейчас пропью
все то, что пережил по праву.

Я так хочу...

Я так хочу увидеть внука
В парадной форме лейтенантской.
Наступит отпуск долгожданный,
Когда пожмем друг другу руки.

Он скинет летную фуражку,
Поправит крылья на петличках,
И я услышу звон отличий
Во славу подвигов вчерашних.

Мы выпьем с ним за радость встречи,
За мирный цвет родного неба,
За гарнизон в сияний снежном
И за правдивость русской речи.

Мы помянем давно ушедших
И тех, кто смерть презрел недавно.
Исполнить долг — обычай давний,
Из недр веков до нас дошедший.

Оратория дождя

Под ораторию дождя
смотрю на пасмурное небо.
Мне серый цвет тревожит нервы
и гнет печалью загода.

На фоне пасмурного дня
возник клубок воспоминаний
со всей красой хмельных признаний
и жарких вздохов у плетня.

Я вспомнил серые глаза
и серый взгляд в момент разлуки.
Потом прохлады серой скуки
и оброненная слеза.

И я уже не смею ждать
хожденья в быль иль бега в небыль.
Мне плачет пасмурное небо
под ораторию дождя.

Спасительница

Под окном моим растет белая береза.
Я в стихах ей говорю и вещаю в прозе.

Я в любви ей признаюсь, с чувством обнимаю,
А она своим теплом мне хандру снимает.

Помню, в праздничный денек я к ней обратился,
И, обласканный листвою, в принца превратился.

А когда беда пришла на мое подворье,
Я с березой разделил приносное горе.

В общем, в дружбе нахожусь с белою березой,
Но плотней окно прикрыв, забавляюсь с розой.

Гниды

Миротворцы со свастикой в сердце,
Либералы с рычащим оскалом.
Вот опять привели ваши герцы
к сумасбродам с фашистским забралом.

Расплодились фашистские гниды
на головке помпезной Европы.
Возродились на западной гнили
кровожадные псы-мизантропы.

Расплескалось кровавое море.
Корчит души от трупного яда.
Беспардонно насилует горе
окрыленную миром Няяду.

Трель звонка

Долгожданная трель звонка,
нежный голос ласкает трубку.
Ощущаю я у виска
твои милые сердцу губы.

Как прекрасны твои слова,
словно нега волшебной песни.
Ах, как кружится голова,
и в груди, почему-то, тесно.

Пой мне песню, не умолкай,
исцели роковую память.
Я звенящую трель звонка
приласкаю своими губами.

Тебе я песен не допел...

Тебе я песен не допел
и слов не досказал.
Ушла ты в снежную метель
через больничный зал.

Настырным снегом занесло
тяжелые следы.
Какое злое ремесло
развеять счастье в дым.

Цветок надломленной судьбы
пытаюсь обогреть,
Но робкой памяти горбыль
не хочет возгореть.

Молодящаяся осень

Желтых листьев создание хрупкое
хороводит задиристый ветер,
и склоняет березу на глупости,
оголяя невинные ветки.

Приминает кленовые залежи
к обрешетке чугунной ограды.
И ограда пылает пожарами
в обрамлении старинного сада.

Я иду по шуршащему лежбищу
под мелодию ветреных ритмов,
и стараюсь восторженной нежностью
с молодящейся осенью слиться.

Мне сегодня...

Мне сегодня привиделись дали
над которыми песни летали,
и росли под счастливой звездой
ну, совсем не плакучие ивы.
Они были по-женски красивы
и, конечно, с завидной судьбой.

А еще мне привиделись горы,
на которых теснились соборы,
и спускались с вершины крутой
просветленные господом люди.
И блистали на солнце хоругви
позолотой России святой.

Сколько жизней...

Сколько жизней прошло через сердце?
Сколько судеб коснулось души?
То от меда хмелел, то от перца,
То слезой увлажнял, то сушил.

Не скупился на таинство прозы,
раздавал поэтических птиц,
не жалея ни горла, ни поэзы
в окружении обкуранных лиц.

Я не ждал лицемерных подачек
от урвавших Пегаса чинуш.
И не лез безголово за сдачей
во спасенье замаранных душ.

Не жалея таланта и силы
с чистым сердцем, с открытой душой
воспевал святомудрость России
с не кричащей людской добротой.

Две кумушки

На фоне серости небесной
рябина гроздьями пылает.
Она красою вдохновляет,
и я дарю ей эту песню.

Рябина, нежная подруга,
ей любя скромница осина.
Она листвою своей красива
пурпурно-красной и упругой.

Стоят две кумушки в рядочек
и красным цветом завлекают.
Мой тусклый взгляд они ласкают,
и нежность зреет между строчек.

Поиски детства

Я на волжском берегу
свое детство стерегу.
Но знакомые места
пишут с чистого листа.

И процессию из лип
годы с детства увели.
И исчезла со двора
озорная детвора.

Даже детская площадка
подчинилась беспорядку.
И крылатые качели
в неизвестность улетели.

След друзей

Инверсионный след друзей
несет мне веру и надежду,
и я взлетаю, как и прежде,
над звездной радугой моей.

И я лечу к своим мирам,
туда, где ангелы резвятся,
где мне захочется признаться
в любви к открытым небесам.

Стань другом

Милая, стань моим другом,
нет больше прежней любви.
Искренность стала услугой,
нежность — не норма, а вид.

Губы устали колотиться
о безразличную явь.
Нет больше жаждущей плоти,
есть только лежбище язв.

Есть только бездна упреков
и кровоточащих ран.
Лучше уйди без намеков
в непросветленную рань.

Глупо влачиться по кругу,
медленно счастье губить.
Милая, стань моим другом,
нет больше прежней любви.

Моя кровиночка

Вот и опять моя кровинка улетела,
Одна частичка в моем сердце опустела.
Какое счастье ждет кровинку вдалеке?
Я о несчастье даже думать не желаю
И лишь счастливые слова перебираю.
Без счастья трудно плыть по жизненной реке.

Я буду счастлив малой весточкой оттуда.
Я своим счастьем поделиться не забуду.
Пошлю надежду из родимого гнезда.
Тепло надежд мою кровиночку согреет,
К ней станет в дальней стороне судьба добрее,
И вспыхнет в небе путеводная звезда.

Виртуальное родство

Связи родственные рвутся,
люди склокам предаются.
Разбегается родня
по комфортным закоулкам.
Замерла другим наука,
разложение не унять.

Перья в ручках притупились,
Письма в клики превратились.
Процветает виртуал
в интернетовских гробницах.
Аватарки в постных лицах
и засаленный реал.

Виртуальные соседи,
вирту-сэры, вирту-леди.
Их никто не выбирал.
Расплодились привиденья,
расплескав в агонии гены.
В общем, родственный астрал.

Бой с тенью

Дорогу к храму своему еще не отыскал.
А жизнь пытается вздремнуть, минуя пьедестал.

Я сон стараюсь отогнать настойками стихов.
Но ставни звездного окна закрыты на засов.

И дверь в счастливый новый день закрыта на замок.
А рядом ходит чья-то тень и требует оброк.

Ее не трогают стихи и разноцветье проз.
Ей подавай разгул стихий и непотребность поз.

Ее заводит темнота с мерцанием свечей.
Она мурлычет — жизнь отдай за поиски ключей.

Но я озвучил темноту твореньем новых нот
И разглядел свою звезду, что к храму приведет.

Балаклавы

У жестокой войны нет лица.
Балаклавы, кругом балаклавы.
В них скрывается лик подлеца
и обличье дешевой шалавы.

В них сощурилась жуткая месть
и жестокости дюжая сила.
Черным цветом замарана честь,
и у совести порваны жилы.

В ней бросается сын на отца,
не считаясь со связью по крови.
И насилие в роли истца
бесконечную тризну готовит.

Погребен под печальным венцом,
На останках меча и орала
Бравый воин с открытым лицом,
Честный рыцарь с открытым забралом.

Мне не нужно высоких...

Мне не нужно высоких, блондинистых,
И слащавых брюнеток не нужно.
Я бегу от скупых и прижимистых,
От зануд, предлагающих дружбу.

Мне милее возвращенные ласкою,
Мне роднее впитавшие нежность.
Пусть глядят они добрыми глазками,
Приглашая укрыться в безбрежность.

Соблазны

Соблазнов много, я один —
послушный раб и господин.
Сполна грешу и каюсь,
и жизнью восторгаюсь.

Без них наскучило бы жить,
без них сплошные миражи.
А я хочу реальность
без вида на банальность.

А я хочу приятных проб
и будоражащий микроб,
чтоб отдалилась старость
на маленькую малость.

Почему....?

Почему слезы льются
у бывалых мужчин?
Отчего нервы рвутся,
а сознание кричит?

Бесконечных вопросов
настрогала нам жизнь.
Урожденные россы
перестали дружить.

Поливают насильем
украинскую даль,
И ломают, как псины,
послужной пьедестал.

Наступают на детство
беспощадной ступней.
Вековое наследство
разбросали у ног.

И пылают станицы,
как степные стога.
Обгорают страницы,
сатанеют слога.

Возвращение к родному дому

Дом родной в Ярославле глядит на меня
беспросветною чернью оконных проемов.
В этом доме уже не осталось огня,
только скорбная затхлость кирпичных изломов.

Только ветхая утварь прошедших годов,
да печальная участь проломленной крыши.
Я приехал к тебе от больших городов
с полной верой, что ты мое сердце услышишь.

Я приехал к тебе в предрассветную рань,
чтоб воскресный восход нашу встречу не сглазил,
Чтоб настырного ветра отборная брань
не смогла долгожданную встречу изгадить.

Преклоняю колено со словом «прости»,
не кори тишиной за дырявую память.
Ты мой самый надежный и преданный тыл,
Ты мое родовое, священное знамя.

Я Вас люблю...

Я Вас люблю — твои слова,
и нежной юности уста
их прошептавшие в ответ
на мой решительный привет.

Ты повторяла их не раз,
войдя в сомнительный экстаз.
И благодарные глаза
смочила милая слеза.

А я не мог тебя обнять
и беспардонно целовать.
Я видел дочь в тебе свою
от той, которую люблю.

Дым сигареты

Дым сигареты застигает
безгрешной юности следы.
Соцветье юной красоты
под слоем дерзости сгорает.
И вместе с дымом исчезают
любви невинные мечты.

Терзает ум тупая взрослость
с крутой ценою в три рубля.
И сок семейного добра
без лишних слов сдается в розлив.
Шальные будни пошлой прозы
вбирает юность на ура.

Глаза

Глаза, молящие о чем-то,
такие милые глаза.
Ты ими хочешь показать
абсурдность прежнего просчета.

Ты ими хочешь утолить
забвения тлеющую жажду.
Любовь, пришедшую однажды,
надеждой хочешь оживить.

Но вряд ли будет та любовь
дарить вчерашнюю взаимность.
И малой доли альтруизма
делить с тобою не готов.

Моя Россия

И все-таки жить хорошо
под сенью великой России.
Весенний березовый сок
питает неведомой силой.

А летом питают поля
цветением будущей жатвы.
Добром колосится земля,
к ней хочется грудью прижаться.

И осень спешит удивить,
украсив леса позолотой.
Она призывает любить
и делает жизнь беззаботной.

Зима предлагает займы
перину из белого снега.
И в думы является мысль
о том, как божественна нежность.

О том, что березовый сок
питает неведомой силой,
О том, что мне жить хорошо
под сенью России великой.

Слово поэта

Скоростной лифт желаний
мчит меня на голгофу.
Я, как загнанный странник,
брежу вестью благою.

И вскрывается злоба
в озверевшей когорте.
Богом данное слово
застревает в аорте.

Обращение к миру
безвозвратно умолкло.
Я глотаю просвиру
во спасение мертвых.

Развратное время

Кукушкино племя
не в птичьем обличий.
Развратное время
с налетом двулчья.

Беснуются урны
от детского крика.
Безродные курвы
общаются рыком.

И топчется детство
на дне подворотен.
Анкета в наследство
с прорехою в роде.

Продажные судьи,
бездушные люди.
Несчастные судьбы
зачатых на блуде.

Люди от Бога

Жаль, что хорошие люди уходят,
скромно уходят, без шумных реприз.
Люди от Бога готовы к исходу,
их не тиранит душевный каприз.

Их провожают плакучие ивы,
плачут березы, взирая вослед.
Души ушедших печально красивы,
их озаряет немеркнущий свет.

Скромный уход оставляет живущим
веру в спасительный образ добра,
сеет надежду в умы неимущих,
в холод речей добавляет тепла.

Мне не нужно...

Мне не нужно дворцов и машин,
мне не нужно шального богатства.
Я общением меряю жизнь
и живу привилегией братства.

Мне не нужно стандартных похвал,
мне не нужно блатных постаментов.
Я кую наградной пьедестал
из палитры душевных моментов.

Мне не нужен золотой саркофаг,
мне не нужен плачевник процессии.
Я уйду в тишину звездных благ
без корыстных следов на претензий.

Где вы...

Где вы, мои полковые друзья?
В небе не вижу следов.
Летные страсти нельзя обуздать
силой прошедших годов.

Но почему-то небесная высь
вышла без ваших сердец.
И без желания звезды зажглись
в сморщенной раме небес.

Звездный диспетчер сменил позывной,
ветер стреножил коней.
То же случилось, друзья и со мной —
вылеты только во сне.

Одиночество души

От одиночества души
не спрятаться, не скрыться.
Оно терзает изнутри
и мучает слезой.

Стремится веру затушить,
огарком насладиться.
И освещает до зари
чуть тлеющей свечой.

И только день уgomонит
душевное терзанье,
коснувшись солнечным лучом
седеющих волос.

Дневным теплом порвется нить
ночного наказания.
Я буду снова обручен
с душевностью берез.

С добрым утром

С добрым утром, с добрым утром,
милый человек.

Будь со мной таким же мудрым,
как прошедший век.

Будь со мной таким же добрым,
как немой рассвет.

Я войду в наш мир с задором,
излучая свет.

И тогда не будет в списках
нерешенных дел.

И тогда проскочит искра,
что всегда хотел.

День рождения дочери

Утром солнце лучами щекочет,
настроение дарит улыбки.
На волне поэтической ночи
я рифмую стихи без ошибки.

Шумный ветер притих в одночасье,
не притих, а мурлычет приятно.
И родное бесценное счастье
разливается в сердце внезапно.

Проявляется счастье восторгом
от судьбою дарованной дочки.
Бриллианту семейной истории,
посвящаю я данные строчки.

Мне приятно, что солнце сияет
в День рожденья любимой кровинки.
Осень щедрая дочь поздравляет
каждым кустиком, каждой травинкой.

Неужели...

Синеокий волшебник, небесный владыка.
Я взираю с надеждой на твою благодать.
И порою земное мне кажется диким,
потому что в соседях просыпается тать.

Потому что довлеет презумпция силы,
и расчеты ведутся в кровожадных деньгах.
Потому что потомство рождается хилым
в задымленных трущобах, да на горьких слезах.

Неужели накроет шрапнельным потоком
увядающий разум просветленной души?
Неужели зачахнет тропинка к истокам,
и Земля растворится во вселенской глуши?

Серый день

Что серый день мне принесет —
смятение мук или приятность?
Какая будет вероятность
достичь невиданных высот?

Смотрю на серое окно,
пытаясь выделить оттенки.
Затем ложусь зубами к стенке,
с единой мыслью — все равно.

Но шустрый серый воробей
нацелил клюв в мое окошко.
Я лежал еще немножко
и перешел с ходьбы на бег.

Я направлялся серым днем
в скупую мрачность серых зданий
за пайкой серых наказаний,
за битым серостью рублем.

И вдруг божественный рассвет
стрельнул в меня зовущим взглядом.
И от волшебного заряда
зажегся в сердце добрый свет.

Взбодрились серые дома, обмякла серость наказаний.
Проснулась музыка признаний, и спела мне любовь сама.

Влюбленный в небо

Кто был с небом один на один,
тот влюбился в него и, конечно,
сохраняет до самых седи
бесконечную к небу сердечность.

В непогоду летит к небесам
сквозь грозу и свинцовые тучи.
Подчиняясь земным голосам,
он считается самым везучим.

Распростертое небо в ответ
выдает голубую взаимность.
И везунчик на смертном одре
воскликает небесное имя.

Не прощается с небом пилот,
одаренный счастливой судьбою.
Завершая последний полет,
возгорает на небе заездом.

Невезучий день

Раззадорился день невезучий,
Развалился над морем и сушей.
И навязчивый ветер колючий
Остудил мою щедрую душу.

Запахнулась душа на застёжки.
Настроение сделалось ватным.
Запорошило стежки-дорожки.
Расхотелось мне вдруг целоваться.

Расхотелось мне сыпать любовью
И страстям отдаваться без смака.
Где ж ты небо мое голубое,
Где ж ты поле, покрытое злаком.

Линии жизни

Люди рождаются и умирают.
А между датами — линии в жизнь.
Кто-то наследство в подол собирает,
Кто-то пасется у сытой межи.

Кто-то над златом накопленным чахнет,
Кто-то Отечеству верой служит.
Кто-то историю пишет по чакрам,
Кто-то скитается в страхе и лжи.

Кто-то лютует безжалостным зверем,
Кто-то врачует своей добротой,
Кто-то людей окрыляет доверьем,
Кто-то неверьем терзает покой.

Пересекаются линии жизни,
Туго сплетаясь в житейский клубок.
Но разделяют тугие пружины
Богом отмеренный розничный срок.

Моя блуждающая кровь

Блуждает кровь моя шальная
и все по воле комара.
Он, кровопийца, блуд тот начал,
вкусив кровавого добра.

Я не успел его прихлопнуть,
как он, разбойник, улетел.
Но беглеца сумела слопать
лягушка с грифом — беспредел.

Она лежит себе на кочке,
моею кровью захмелев.
Зверькам болотным рожи корчит,
дерзит, как муха на стекле.

Ее хмельные дерзновенья
сподвигли цаплю на обед.
И вот она без сожаленья
вонзила клюв, лягушки нет.

А вместе с ней моя кровинка
пропала в цаплином нутре.
Неутешительна картинка
насытить цаплю в сентябре.

Сентябрь — период перелетов
подобных птиц от хладных мест.
Туда, где можно без заботы
до дней весенних пить и есть.

Теперь летит частичка крови
в тепло голландских берегов.
А я стою, нахмутив брови,
и шлю надежду вглубь веков.

Забывчивость

Улетая в безбрежность, не забудь возвратиться.
Расставаясь с любимой, не спеши разлюбить.
Улетают на время перелетные птицы,
Им родимую землю невозможно забыть.

Забывая о ближнем, не ищи оправданий.
Перепутав причалы, не пеняй на судьбу.
Не бывает у жизни безымянных страданий,
Бессердечная память предается суду.

Жизнь моя

Крутилась жизнь моя бедовая
пластинкой медленного танго.
Была послушной и бредовую,
была естественной и странной.

Она звала меня вершинами
и дном манила без оглядки.
Но не кукожилась за спинами,
и не просила подзарядки.

То воспалялась свечкой праведной,
то фитилем горела робким.
Я со свечою жил по правилам,
а с фитилем как вечный пробник.

И вот теперь кручу по памяти
пластинку медленного танго
без суеты, без всякой паники.
И вряд ли скоро перестану.

Улетают птички караваны...

Улетают птички караваны,
кто на юг, кто к теплому Гольфстриму.
Породниться с путником незванным,
не желают птицы — пилигримы.

С высоты доносится прощанье
и восторг сверхдальнего полета.
Отдает сердечным содроганьем
у того, кто думает о взлете.

Но слабы подрезанные крылья,
не хватает скорости отрыва.
Высоту мечта не озарила,
на душе печально и тоскливо.

Компьютер

Мой друг единственный и верный.
В свободный час к нему иду.
Он мне игрой щекочет нервы
иль увлекает в чехарду.

Я с ним дружу и в зной, и в стужу,
в ночную темень, в ясный день.
Он мне излечивает душу
и раздвигает толщу стен.

Ведет меня в миры иные,
решает тысячи проблем.
Дарует сайты озорные
без тайных слов и сложных схем.

Я с верным другом излечился
от болевых душевных ран.
И как я раньше обходился
без страстных взглядов на экран.

Любовь к ней

Слова любви уже пересказал
и гамму чувств испробовал доселе.
В любовных драмах все переиграл
и улетаю в любовной карусели.

Смочил сполна мой нежный эликсир
сухую страсть любовных поцелуев.
Я у любви подачек не просил,
чтобы не слыть безнравственным холуем.

Но посвящал поэмы лишь одной,
и пел романсы тоже для единой.
Той, что была желанной и родной,
той, что сошла с божественной картины.

Друг мой, Славка

Друг мой, Славка — великий рассказчик,
летописец Красивой Мечи.
Как волшебнo звучит твоя сказка,
как приятно баллада звучит.

Как картинно задиристый ветер
теребит озорной поплавок.
Знаем мы, за рыбалку в ответе
дух святой, но ему невдомек.

Обнимают плакучие ивы
куст ракиты на том берегу.
На реке даже воздух красивый
от духмяности в свежем стогу.

На реке даже зори алее
и глазастые звезды родней.
На реке даже люди добрее
и тройная ушица вкусней.

Друг мой, Славка, спасибо за вечер,
за бесценную праведность слов.
Пусть не гаснут общения свечи,
я всю жизнь тебя слушать готов.

Прости меня

Прости меня, мой милый ангел.
Прости за то, что не допел.
Прости за то, что словом ранил,
а с врачеваньем не успел.

Прости за скомканные мысли,
что с пьяным бредом раздавал.
За то, что чувства мерил смыслом
и откровенно не страдал.

Прости за порванные письма
и безлимитный холодок.
Прости за манию тупизма,
что побороть в себе не смог.

Прости, прости меня, родная,
за горечь недобытия.
Глотнув вины, я точно знаю,
посланник Бога мой судья.

Чернота

Черная собака под моим окном
лает на прохожих пасмурным деньком.
Черный ворон — странник к дереву прилип,
он теперь хозяин тополей и лип.

На стволе березы больше черноты,
почернели нынче мокрые кусты.
За тропинкой к дому смотрит черный кот,
без его вниманья вряд ли кто пройдет.

И моим сознанием правит чернота,
развалились в теле лень и маята.
И в глазах чернеет от тревожных дум,
вот бы не накликать черную беду.

Любовное причастие

И страсти взрыв, и тайну ласки,
и чувств прорвавшийся фонтан.
Такой набор любовной сказки
я этой ночью испытал.

Забилось скомканное время
под складки сброшенных одежд.
Свалилось старческое бремя,
расцвел молодой иммунитет.

И крик разбуженного счастья
прорвал ночную темноту.
И цвет любовного причастья
украсил давнюю мечту.

Понурой жизни отголосок
исчез в симфонии судьбы.
И вновь звучит громкоголосо
святая музыка любви.

Я, конечно, не ангел...

Я, конечно, не ангел, и не Божий любимец.
Я простой русский парень ярославской судьбы.
Не курящий, не пьющий, не блатной, не судимый,
Но с открытой душою и желаньем любить.

Выходил спозаранку я на волжские плесы,
И манил меня в дали расписной пароход.
Только дым растворялся, оставляя вопросы,
И в мечты удалялся мой желанный поход.

Привлекал все сильнее дивный шлейф горизонта,
Где земля набегала на небесную синь.
Из него появлялось отдохнувшее солнце,
Жар которого в сердце я с надеждой носил.

И надежда свершилась, и мечта состоялась.
Я взлетел ближе к солнцу в предрассветную рань.
Взял у звездного неба счастья самую малость,
Так как с детства приучен слишком много не брать.

Злотворение

Творить добро не так уж сложно в этом мире,
Сложнее сделать первый шаг на путь добра.
Трудней потомков удивить душевной лирой,
Чем загубить благой порыв в пучине зла.

Вот почему хиреет доброе начало
На иероглифах писательской строки.
Усвоив гнев, хмельная площадь зарычала,
И ошетинились соседи, как враги.

Тупая ненависть взъерошенных экранов
Переместилась на панели городов.
Мое отечество зализывает раны,
А я помочь ему сегодня не готов.

Мои стихи сегодня втоптаны в трясину
Кабацких песен и хип-хоповой муры.
Забили реперы на лирику России,
И люди тащатся от блеска мишуры.

Скукоженные чувства

Я не готов тебе открыть
Свои скукоженные чувства.
Их проще в прошлое зарыть,
А в настоящем только чуткость.

А в настоящем только всплеск,
Но не фонтан любовной страсти.
Еще не стерся амулет
Другой носительницы ласки.

Еще не высохли сполна
Следы вчерашних поцелуев
Еще не выпита до дна
Печаль сомнительной разлуки.

Не стоит время торопить,
И взглядом резать по живому.
Я чту желание любить,
Но не нырять в любовный омут.

О детях и для них

На уроке

Сидит мальчишка в первом классе,
а за окном футбол.
Вчера дружок ему поклялся
забить в ворота гол.

Летят учительские фразы,
минуя детский слух.
А за окошком раз за разом —
ну, бей же, бей, лопух.

Под партой ноги у мальчишки
пинают..., но не мяч.
У носа чует кулачище
с угрозой кучи сдач.

Но не страшны ему угрозы,
он нынче весь в игре.
Скорей бы кончились уроки,
скорей бы к детворе.

Танцовщица

Маленькая девочка танцует первый раз.
Танец нашей девочки, конечно, высший класс.
Светятся игривостью веселые глаза.
Взбадривают девочку родные голоса.

Девочка старается, позирует родне.
Вспышка у фотографа на тысячу огней.
Прыгает под вспышкой наш маленький сверчок,
Милая танцовщица, певучий родничок.

Открытый взгляд ребенка

Открытый взгляд ребенка,
что может быть дороже.
С ребячьим смехом звонким
становимся моложе.

Пусть детский взгляд искрится
от нашего участия.
Пусть бесконечно длится
ребяческое счастье.

Тогда на целом свете
не станет больше горя.
Тогда земные дети
споют в едином хоре.

И звездочки зажгутся
в счастливом поднебесье.
И радости прижмутся
к словам веселой песни.

Первоклассник

Шагает в школу первоклассник,
Багаж солидный за спиной.
Рюкзак, конечно, очень классный,
Но тяжеленный, боже ж мой.

В него с усердием впихнули
Тетрадок более пяти,
Букварь и азбуку воткнули
С альбомом краски занесли.

Винят учебники друг друга
За беспардонность тесноты.
Пенала вечные подружки
Стучат, боятся темноты.

Сомкнулись дольки пластилина,
Согнулся синий карандаш.
Закладок тонкие пластины
Берут платки на абордаж.

Точилка с ластиком грызутся,
Мелки на кисточки грешат.
И скоро клеем захлебнутся
Простые два карандаша.

Еще теснятся..., впрочем, хватит глазеть в утробу рюкзака.
Шагает в школу первоклассник, болят от тяжести бока.

Маленькая радость

Бездонной радости глаза
меня встречают у порога.
Спешат открытость показать,
и хоть мизинчиком потрогать.

Я обладательницу глаз
беру с готовностью на ручки.
И тихо слушаю рассказ,
Какой, конечно, не наскучит.

Потом зажгутся озорством
глаза прелестного созданья.
И закружится отчий дом
от прозы детского заданья.

И будут игры и прыжки,
и будут танцы с песнопеньем.
Свернется место для тоски,
пока резвится настроенье.

И вновь лизнет ночная тень
узоры розовой подушки,
И уходящую в постель
Ждет поцелуй на сон грядущий.

Жираф и ежик

Жираф и ежик проживали по соседству.
Жираф пожарным был, а ежик торгашом.
Ежу достался магазинчик по наследству,
Ну, а жираф рожден с пожарным рукавом.

Еж по характеру был маленькой колючкой.
Жираф был вежливым и в меру озорным.
Держал иголочки наш еж на всякий случай,
Жираф без дела не притрагивался к ним.

Ежа спокойствие жирафа раздражало,
А, раздражаясь, он без умолку пищал
И выпускал свои колючки, словно жало.
На что жираф ему шутливо отвечал:

Мне с высоты своей совсем тебя не видно,
Да и не слышно, ты погромче говори.
От этих шуточек ежу было обидно,
И он старался еще громче голосить.

Как видно, сложным было данное соседство.
Вдруг приключился в этом городе пожар.
А от пожара не найдешь другого средства,
Как водяной, все побеждающий удар.

Огонь лизал уже порог у магазина,
А еж метался и беспомощно моргал.
Но тут подъехала пожарная машина,
И наш жираф ежа наследство отстоял.

Теперь живут жираф и еж в большом согласии.
Все потому, что еж колючкой не грозит.
А нет угроз, причины нет для разногласий.
Жираф безмолвствует, и еж не голосит.

Глаза малышки

Доверие и искренний восторг,
И счастья незапятнанная шалость.
Мой маленький лучистый монитор,
С которого читаю только радость.

В нем вижу ожидание тепла,
И в сердце учащается биенье.
Прижму я обладательницу глаз
И с чувством расскажу стихотворенье.

Сияющие детские глаза
Осветят благодарностью пространство.
Они сегодня верят в чудеса,
Так пусть чудесным будет постоянство.

Детская слеза

У ребенка чистых слез немного,
Береги хрустальность чистоты.
Не терзай сердечко грубым слогом,
Знай, у детства помыслы чисты.

Пахнет болью детская слезинка,
Так уйми нахлынувшую боль.
Ты в ответе даже за грустинку
И за самый маленький укор.

Заруби на жизненную память —
Беззащитна детская слеза.
Не бросайся грубыми словами,
Улыбайся в детские глаза.

Утята

Я на озере сижу.
Я на уточек гляжу.
Наблюдаю, мама — утка
Засмотрелась на минутку.

Девять маленьких утят
Порезвиться норовят.
Я даю живым комочкам
Белой булочки кусочки.

Очень вкусная еда
Им дается не всегда.
Оттого и суетятся
В спешке серые утята.

За едой на всех парах
Семят, забыв про страх.
Раскричалась мама — утка,
Испугалась не на шутку.

Я ей тихо говорю,
Что утят не загублю.
Я их только осторожно
Белой булкой покормлю.

Дворовая собака

Ходит по двору собака, злобные глаза.
Так и хочется заплакать, но молчит слеза.
Я тихонько отступаю, лезу на скамью.
На скамейке замираю, сжался и терплю.

А дворовая собака смотрит на меня.
Не собака — забияка, чем ее занять?
Может быть, пропеть ей песню или стих сказать?
Может сказкой интересной псину ублажать?

А собака ближе, ближе, носом достает.
Вот уже подошву лижет, лижет мой живот.
Я зажмуренные глазки прячу под рукой.
Но собака нежной лаской дарит мне покой.

А еще хвостом виляет, визгом веселит.
На меня совсем не лает, взглядом не сверлит.
Мы теперь с собакой этой лучшие друзья.
Я люблю ее за это, а она меня.

Умная ворона

С утра ворона есть хотела,
на поиск корма полетела.
И вот летит она на свет,
а провианта нет и нет.

И вдруг привиделось вороне —
сухарь скучает на перроне.
А мимо пешие снуют
и приземлиться не дают.

Она на здание присела,
вцепилась взглядом окоселым.
А как представился момент,
попал сухарь в вороний плен.

Ах, как она его долбала,
топтала лапой и бросала.
Но был сухарь непобедим,
она вконец устала с ним.

Потом присела, отдохнула,
в кювете лужу приглянула.
В нее сухарь перенесла
и пять минут подождала.

Сухарь размяк, вороне сдался, обед удачным оказался.
Мораль истории одна — мала ворона, но умна.

Скворечник

Напротив моего окна скворечник на березе.
Сегодня жизнь в нем не одна, скворчата кушать просят.

И суетится их отец, летая за добычей.
Какой заботливый скворец, такой у них обычай.

Скворец не сядет отдохнуть, пока голодны детки.
Принес поест и снова в путь за вкусненькой конфеткой.

Нет, не конфеткой, а едой для нас совсем нежной.
Он кормит деток саранчой, червями в день погожий.

Всего вкусней для них паук и разные личинки.
Вот мама вылезла на сук, чтоб выбросить соринки.

А вот опять летит скворец с едой в длинном клюве.
Какой он все же молодец, как он детишек любит.

И я смотрю на птичий дом, на славную семейку.
Приходят мысли об одном — а я так не умею.

Синичка

Сижу на скамейке и булку жую.
Вдруг крошка упала на ногу мою.
И тут же синичка спустилась с небес.
Схватила кусочек и быстренько в лес.

А я продолжаю сидеть и жевать
И даже не думаю птичке давать.
Синичка присела теперь на скамью
И смотрит с надеждой на булку мою.

Но я не хочу отдавать ничего.
Синичка уселась ко мне на плечо.
И снова сверлит ее жалостный взгляд.
Какой же я жадный, какой же я гад.

И тут же проснулась во мне доброта.
Последние крошки я птичке отдал.
И долго смотрел, как синичка моя
Летала к птенцам, позабыв про себя.

Лягушечий концерт

Лягушки на пруду устроили концерт,
И зритель не преминул подтянуться.
Он вряд ли понимал лягушечий концепт,
Но к квакавшим не мог не обернуться.

Надрывное «ква-ква» летело над прудом,
Садилось на притихшие ракиты.
Кому-то был концерт похожим на содом,
А кто-то видел гениев маститых.

В отлаженный ансамбль лягушечьих кантат
Вливалось песнопение солистов.
В окрестностях пруда плодилась благодать,
И ветер брал ее с ивовых листьев.

Зяблик

Он спикировал под ноги
и меня остановил.
А ведь робким недотрогой
этот зяблик раньше был.

Что же вынудило птичку
пересилить птичий страх?
Может красная клубничка,
что я нес в своих руках.

Я, конечно, растерялся,
но клубникой угостил.
Зяблик тут же расстарался,
красну ягоду вкусил.

Чтобы зяблик не смущался,
я тихонько отступил.
И совсем не сомневался,
что нормально поступил.

Полет ласточки

Ласточки низко летают,
Крыльями нос задевают.
Я терпеливо молчу,
Вслед им совсем не кричу.
Мама сказала, что криком
Тучи возможно накликать.

Вновь по дороге шагаю,
Песню свою допеваю.
Капля упала на нос,
Дождик ветрило принес.
Разве такое бывает,
Туча на песнь прилетает?

Я дохожу до дверей,
Жалуюсь маме своей —
Мама, я шел, не кричал,
Песню под нос напевал.
Но громогласная туча
Стала на песню летуча.

Мама меня приласкала
И, улыбнувшись, сказала —
Туча пришла не на песнь,
А по веленью небес.
Ласточка низко летала,
Нам о дожде намекала

Детское счастье

Любимый маршрут в Александровском парке.
Шагаю от Горьковской прямо к Неве.
Приветливо небо, по-летнему жарко,
Пушистый кораблик плывет в синеве.

Торопятся дети в компании взрослых,
Их быстрые ножки ведут в зоопарк.
Там много зверюшек больших и хороших,
А белые мишки, ну, просто отпад.

В счастливых глазенках купается радость.
А разве не в радость поход в зоопарк.
Когда занятые родители рядом,
И есть настроенье у мам и у пап.

И я завожусь позитивным настроем,
И этот настрой выношу на Неву.
На детское счастье скупиться не стоит,
А следует ставить его во главу.

Страдалец

Мне хочется побегать под дождем,
Но мама не пускает погулять.
Вон Петька хулиганит под окном
И носится, какая благодать.

А я сижу страдальцем у окна
С котом, который вечный домосед.
Он хочет только вкусного, да сна,
А мне приятней выбежать на свет.

От вкусного и я не откажусь,
А сон я почему-то не люблю.
Зачем на подоконнике сижу,
Котовое мурлыканье терплю?

Вот кончится дождливый перезвон,
Я выскочить на улицу смогу
И смело, пусть глядят со всех сторон,
Нарочно по всем лужам пробегу.

Червячок — дождевичок

Тучка дождик пролила,
землю намочила,
А вреднящая вода
норки затопила.

Червячок — дождевичок
выполз на дорожку.
Изогнулся, как крючок,
без лица и ножек.

А потом давай ползти
маленькою змейкой.
Хочет сослепу найти
новую лазейку.

Я не трону червячка,
пусть себе елозит.
Говорю ему — пока,
нет во мне угрозы.

Репейник

Репейник приставучий, известный прилипала.
Вбежишь в его чащобу и выскочишь в репьях.
И эта приставучесть вдруг на глаза попалась
Двум маленьким задиркам, что числились в друзьях.

В снаряды превратились репейные головки,
И началась атака детишек на меня.
Попытка отступленья и прочие уловки
Меня не выручали от шквального огня.

И я пошел в атаку на маленьких задирок.
И завязалась битва не в шутку, а всерьез.
И было много смеха, и никаких придилок.
И игры на природе закончились без слез.

Бука

Маленькая девочка смотрит исподлобья,
Ни одной улыбочки на ее лице.
Я ее приветствую и беру за локоть,
Не стесняюсь выказать благостную цель.

Взгляд ее нахмурился, глазки покраснели.
Локоток отдернула, маму обняла.
Что вы тут задумали, как это посмели,
Ваши откровения я не поняла.

Ворчун

День знаний, День знаний. Подумаешь праздник.
Опять просыпаться с ранья каждый день.
Опять набросают учебников разных,
А мне их носить не советует лень.

И снова тащиться с громоздким букетом,
В линейке томиться на школьном дворе.
Вот было б всегда беспробудное лето
С любимым пломбиром на летней жаре.

1 сентября

Шагают в школу первоклашки.
Дорога к знаниям открыта.
Их ждут созвездия открытий,
Оценок море и нанашки.

Но им сейчас не до нанашек.
Сияют радостные лица.
И школа нынче не скупится
На поздравленья старшеклашек.

Звонок забился в нежной трели.
Встречают фирменные классы.
Теперь свиданья будут часты,
Уж если знаний захотели.

У Медного всадника

Глядит малыш на Медный всадник,
мечтает, голову задрал.
В глазах сквозит суровый нрав,
он крут лицом от мелких ссадин.

Наверно видится мальчишке
аллюр стремительных атак.
Он бьет врагов и так, и так
и тихой гавани не ищет.

А, может быть, мечтает он
о славной роли командира.
И верю я, войдет задира
героем в ратный пантеон.

Сбор снарядов

Желудей дуб разбросал, потчует округу.
Я с внучком к нему пришел как к большому другу.

Раззадорился внучек, полнятся карманы.
Язычок, что родничок льется беспрестанно.

Что ж ты, деда отстаешь, мне не помогаешь?
Или, что ли устаешь, иль не понимаешь?

Без снарядов на войне будешь побежденным.
Собирай снаряды мне в шляпу или тонну.

Я серьезность ощутил данного приказа.
И набить карман решил строго до отказа.

Подготовились к войне мы с внучком солидно,
Но противник не пришел, вот было обидно.

Дошколята

Плетутся в садик дошколята,
навстречу школьники идут.
У них у всех ума палата,
но им еще сейчас дадут.

В саду воспитывают строго
неугомонных дошколят.
Хватает знаний без уроков,
а им стихи учить велят.

А то разучивают песни
про крокодила и лису.
А им совсем неинтересно,
качать бы ножкой на весу.

Или качаться на качелях,
взлетая с визгом высоко.
Или кружить на карусели,
ведь это очень нелегко.

А лучше брать наскоком стенку
или вприпрыжку по траве.
Даешь побитые коленки
и кое-что на голове.

Пират

Как колобок катается наш дворник по двору.
Катается под дождиком, в мороз и на ветру.
Работает без усталы лопатой и метлой
И смело расправляется со снегом и листвоу.

За ним, глазами зыркая, плетется старуу пес.
Он всех домашних песиков намного перерос.
На внешний вид чудовище с названием Пират,
Но детскому вниманию всегда безумно рад.

Они на нем катаются и треплут за вихры,
А он терпеньем балует участников игры.
За это угощением его благодарят
И много слов приветливых с восторгом говорят.

Маленькое чудо

Лежит в кроватке маленькое чудо,
вокруг него кипит большая жизнь.
Никто не знает, что с ним завтра будет,
каких достигнет жизненных вершин.

И только мама в это чудо верит,
в ее сознаний зреет четкий план.
Ну а пока она прикрыла двери,
чтоб не проснулся будущий талант.

Лужица

Капал дождик, капал,
лужицу накапал.

Мне по этой луже
пробежаться нужно.

Вон какие брызги
из-под ножек брызжут.

Только вот у Феклы
платишко намокло.

Фекла раскричалась,
с лужицей осталась.

Я помчался к маме,
рассказал о драме.

Мама пожурила,
но не разлюбила.

Соня

Встала маленькая Соня
вредной девочкой спросонья.
С ней общаться невозможно
даже очень осторожно.

Соня щечки раздувает,
губки вредностью слагает
и косится хмурым взглядом
на всех тех, кто с нею рядом.

На вопрос не отвечает,
никого не приветчает.
Быстро прячется за мамой,
за родной и близкой самой.

В общем, к ней не подступиться,
впору с глазу удалиться.
Может вредность пропадет,
Соня с радостью придет.

Общение с внучкой

Внучка строит глазки,
просит поиграть.
Я читаю сказки,
чувства не унять.

Затаив дыханье,
слушает меня
милое создание —
внученька моя.

Я готов общаться
с внучкой целый день.
Рад бы расстараться,
но крадется тень.

Солнышко заходит,
внучке спать пора.
Хватит хороводить,
кончилась игра.

Перед Новым годом

Елки в город навострились, скоро Новый год.
Дети к празднику решили выйти в хоровод.
Репетируют активно плясовые «па».
Нет ни хмурых, ни ленивых, в общем, красота.

С упоением хороводят разные зверьки.
Тигр за ручку зайца водит, пляшут мотыльки.
Рядом рыжая лисица поправляет хвост.
А пугливую синицу развлекает волк.

Крокодил зеленой лапой держит кенгуру.
Буратино с добрым папой просится в игру.
С носорогом пляшут совы и поет енот
В общем, добрым и веселым будет Новый год.

Внучкин хоровод

На внучке платье голубое
с искрящим блеском бахромы.
Его готовили с любовью
на праздник Матушки Зимы.

И вот теперь она танцует
в кругу наряженных детей.
Сердечко бабушки ликует,
и дед в тот час помолодел.

Он так и рвется к хороводу,
как развеселый Дед Мороз.
Какая хворь, какие годы,
что за нелепейший вопрос.

Думы о дедушке

Мой бедный дедушка один
сидит в своей лачуге.
А я здоров и невредим
грущу о добром друге.

Меня успели наказать
за два по поведению.
Ни поиграть, ни погулять,
сплошное невезенье.

Сердючку — маму не возьмешь
слезливым обещаньем.
А, значит, скоро не уйдешь
к дедуле на свиданье.

Но я возьму и напрягусь,
исправлю эту двойку.
И быстро к дедушке примчусь,
он тут, неподалеку.

Снеговик

Мой комочек превратился в пребольшущий снежный ком.
Не напрасно я трудился и катался кувырком.
Мой приятель, Мишка Квасов, ком поменьше сотворил.
Но тот ком был тоже классным и на первый угодил.

Третий ком еще поменьше Ванька Плюшкин накатал.
Он и ростом самый меньший в нашем садике стоял.
Мы с волнением водрузили тот комок на первых два.
Ох, и чудной получилась из комочка голова.

Руки тоже получились из пластмассовых лопат.
Но внезапно появился рядом с нами Светкин брат.
Он из школы возвращался с толстым ранцем на спине.
Братик всласть поиздевался, превратив творенье в снег.

А потом сказал сердито — это вам за Светкин нос.
Кто кричал, что нос у Светки к вашим играм не дорос?
Чтобы больше не дразнили мою Светку малышкой.
Мы, конечно, повинились и направились домой.

А назавтра с вредной Светкой смастерили Снеговик.
Налетевший сильный ветер не испортил его вид.

Волк и муха

Муха в ухо залетела, муха песенку запела.
Рассердился серый волк и зубами щелк, да щелк.

Что за вредная букашка, вот задам я ей нанашки.
Только муха не боится, возле носа копошится.

Волк по ней ударил лапой, по-звериному не слабо.
Покраснел у волка нос. Где же муха? Вот вопрос.

А противная жужжалка вновь под ухом зажужжала.
Волк и так ее и так, только муха не простак.

Не боится волчьей пасти, множит вредные напасти.
С волчьей морды, да на хвост, занимает новый пост.

Волк юлою закрутился, через час уgomонился.
И не в шутку занемог, вот и в сказке эпилог.

Жжжжж.....

Бегемот

Однажды строгий бегемот по городу гулял.
И каждый шум его нутро безмерно утомлял.
А тут противные гудки машины издают.
Проделки местной детворы покоя не дают.

Присел уставший бегемот на скошенный лужок.
Хотел покушать в тишине печеный пирожок.
Вороны подлые шумят над самой головой.
Их ветер сильно напугал шумливую листвою.

Ну что за жизнь — подумал он, нигде покоя нет.
Но все же, в пику воронью, закончил свой обед.
Затем улегся, захрапел под сенью тополей.
И это храп спровадил с мест ворон и голубей.

Приснился сон, как будто он летает в облаках
и выражается с весной не в прозе, а в стихах.
Моя любимая весна, верни мне тишину.
А я за это подарю поэму не одну.

Но вновь вернулось воронье со стаяй голубей.
Проснулся строгий бегемот, упрятаться успей.

Страшный сон

Маленькому Ванечке
снится страшный сон.
Будто в их компанию
затесался слон.

Огромным хоботом
он ловил друзей.
Тут уж не до хохота,
спрятаться б скорей.

Но не может Ванечка
скрыться от слона.
Ведь подружка Танечка
у него одна.

Прикрывает девочку
он своим плечом.
С ней отвагой делится
с мыслью об одном.

Но хватает хоботом
Таню вредный слон.
Потянуло холодом
и прервался сон.

Спорщики

Сидят сестренка и братишка
и рассуждают меж собой.
Погромче брат, сестра потише,
но все равно словесный бой.

Тебе игрушек больше дарят —
капризно сморщилась сестра.
А у тебя игрушкой старой
забиты нужные места.

Мне танки некуда поставить,
пехоту негде уложить.
А ты машинками заставил
чулан, где куклы могут жить.

Моим простуженным зверюшкам
пришлось тесниться в уголке.
А кто мне башенку разрушил?
Совком ударил по руке?

И так бы споры продолжались,
но мама в комнату вошла.
Сестренку с братиком прижала,
спросила — как у вас дела?

В ответ услышала молчанье, поймала хмурый перегляд.
Не стала делать замечанье, без слов дела пойдут на лад.

Гулечки

Вышла я на улочку
с очень вкусной булочкой.
Прилетели голуби —
любопытны головы.

Мне воркуют ласково
и стреляют глазками.
Будто просят гулечки
поделиться булочкой.

Мне не жалко булочки
для голодных гулечек.
Отломила крошечки,
кушайте хорошие.

Мечтатель

В два годика он начал лепетать
и заявил, что будет моляком.
В три годика попробовал летать,
но каждый взлет кончался шишаком.

Хотел он быть пожарным и певцом,
водителем и даже продавцом.
Пытался быть доверенным лицом,
а получалось просто сорванцом.

В его мечты врывался генерал,
он вместе с войском подвиг совершал.
Ну, а когда разведчиком вдруг стал,
о генеральстве думать перестал.

И так мечтал бы мальчик озорной,
но наступили школьные деньки.
И стал не в радость даже выходной.
Ну, для чего заучивать стихи?

А как несносно буковки писать,
а уж считать и вовсе тяжело.
Вот бы сидеть, как раньше, и мечтать,
и не читать родителям назло...

...Пройдут года, а сбудутся ль мечты,
а сможет ли он знания постичь?
Читая стих, сумей представить ты,
что без труда успеха не достичь.

Малыш и котенок

По просьбе маленького сына котенка мама принесла.
Котенок был совсем бессильным и никому не делал зла.
В большой коробке отсыпался, пищал спросонья иногда.
И в ласках маминых купался, а вот у сына никогда.

Малыш таскал его за хвостик,
пытался выдернуть усы.
И, несмотря на малый ростик,
сжимал его, что было сил.

Котенок с писком отбивался,
когтями метил малыша.
А тот царапок не боялся,
к котенку делал новый шаг.

За эти дерзкие наскоки
ругала мама сорванца.
Звучали в доме ахи-охи
и слезы капали с лица.

Но только мама отвернется,
к котенку вновь спешил малыш.
И тот никак не увернется,
а писком вряд ли убедишь.

Казался маме бесконечным
конфликт котенка с малышом.
Но вот однажды в зимний вечер
пришел сосед в их шумный дом.

Увидев дерзкого ребенка,
он сдвинул брови и сказал —
придется мне забрать котенка.
Сказав, немедленно забрал.

С уходом вредного соседа
сначала было море слез.
Потом замкнулся непоседа,
в печали сник курносый нос.

А через день пошел к соседу,
вернуть котенка упросил.
Пред этим выслушал советы,
что от соседа получил.

Придя домой, обнял котенка,
его Пушистиком назвал.
Прижал, как малого ребенка
и с ним до вечера играл.

А ночью к сонному мальчишке
прижал Пушистик теплый бок.
И засопел потише мыши,
ведь рядом спал его дружок

Спит мой маленький каприз...

Спит мой маленький каприз
попой кверху, носом вниз.
Я к родному малышу
прикоснуться не спешу.

Не хочу тревожить сон
и дышу с ним в унисон.
Может быть, ему приснился
добрый слон с верховий Нила.

Может этот добрый слон
держит путь свой в Вавилон.
И везет он малыша
в край, где вечные леса.

Ножкой дрыгнул мой малыш,
я сгоняю муху — кыш.
Пусть поспит еще чуток,
а, возможно, и часок.

Настырная тучка

Сидит у окошка печальная внучка.
Мешает прогулке настырная тучка.
Закрыла та тучка румяное солнце
и дождиком с градом стучится в оконце.

Скучают без внучки качели и горка.
В соседнем окошке скучает Егорка.
Он также тоскливо глядит на площадку,
где мокнут под дождем лис, да лошадка.

В глазах у детишек не гаснет надежда,
готовы сапожки, готова одежда.
Но дождик сильнее по окошкам стучится
и вряд ли прогулка сегодня случится.

В гостях у бабушки

Я в гости к бабушке хожу с большой охотой.
Меня там ждут горшок сметаны и блины.
Я их с желаньем наедаюсь до икоты
и ночью вижу только радужные сны.

А утром ягоды и вкусные конфеты,
еще творожники и пенка в молоке.
Конечно, мультики с желаемым сюжетом
и бесконечное купание в реке.

В гостях у бабушки любовью и заботой
я окружен, и это очень хорошо.
Вот и сейчас такой счастливый, беззаботный
пойду-ка скушаю с клубникой пирожок.

Сонный рассказ

Читаю внучке я рассказ,
присев на стул у изголовья.
Так как читал его не раз,
то помню в нем любое слово.

Но я готов его читать,
ведь он надежней всех снотворных.
И внучке лучше засыпать
под текст, приятно говоренный.

И вот уже ее глаза
прикрыли длинные ресницы.
Рассказ я ей не досказал,
умчали в сон его страницы.

Песенка

По дорожке мы идем,
с мамой песенку поем.
А поется в этой песне
про зверей в осеннем лесе.

В том лесу зайчата есть,
что числом не перечесть.
А еще в нем есть лисички
и мышата-невелички.

Есть там точно серый волк,
он зубами щелк, да щелк.
Косолапые медведи
веселятся, словно дети.

Только к ним мы не пойдем,
Лучше песню допоем.
И вернемся по дорожке
к нашей солнечной сторожке.

Повторяшка

Голосок двухлетней внучки
ручейком звенит.
Каждый жест ее озвучен,
каждый миг звучит.

Повторяет Повторяшка
за сестрой своей —
«воть адам бебе анашки» (вот задам тебе нанашки),
«ты еветь не мей» (ты реветь не смей).

И за братом повторяет, вторит за отцом.
И легко запоминает каждое словцо.
Только слышатся от внучки странные слова.
Вместо ключика — «улючик», а стрела — «стева».

Вместо бабушки — «апука», а качель — «асель».
Ох, и трудная наука, ох, и канитель.
Только мама понимает дочкин говорок.
Потому что точно знает, лепет будет впрок.

Маленький помощник

Как незаметно повзрослел
наш маленький помощник.
И дед остался не у дел,
и бабушке не можно.

Он пилит, рубит и сверлит,
пропалывает грядки.
За ростом саженцев следит
и смотрит за порядком.

Качает воду на полив
и с толком поливает.
Бывает слишком говорлив,
но это не пугает.

Готовит к жареву мангал
он чисто по-отцовски.
Шашлык у дедушки слизал
и жарит по-здоровски.

Короче, нет на даче дел,
к которым непричастен.
Там наш пострел везде поспел
и в этом его счастье.

Без малышей

Не слышно детских щебетаний.
Игрушки скучились в тиши.
В большой отлучке малыши,
а деду с бабой испытанье.

Уж лучше внучкины капризы
или вопрос, что ставит внук.
Зато снимается недуг,
когда ласкаются подлизы.

Когда хорошим настроением
тебя встречает детский взгляд,
у взрослых все идет на лад
и нет позывов на старенье.

Вредная тучка

В дачных окнах солнце отражалось.
Воздух зарядился теплотой.
Резких перемен не ожидалось.
Мы гуляли тропкой полевой.

Внучки восхищались иван-чаем,
бегали за бабочками вслед.
А, поймав, восторженно кричали —
посмотри, какая прелесть, дед.

Вдруг на небе тучка появилась,
серостью закрыла горизонт.
Мы такому очень удивились
и, конечно, вспомнили про зонт.

А потом пустились по тропинке,
но бежала тучка побыстрей.
Нас догнали вредные дождейки,
разъярился дождик все сильней.

Он хлестал бессовестно по спинам,
ухитрялся бить по головам.
И не слабо бил, а очень сильно.
Некогда глазеть по сторонам.

Прибежали мы под крышу дачи,
с головы промокли и до ног.
И сказала мама — вот задача,
что же вам и зонтик не помог?

Сильный ветер не давал покою.
Рвал он зонт из дедушкиных рук.
Ну, а дождь с небес полил рекою
без предупреждения, а вдруг.

Мы бежали к даче, что есть мочи,
только тучка двигалась быстрее.
Оказалась тучка вредной очень.
Дай согреться, мамочка, скорей.

Приласкала мамочка промокших,
уложила в теплую кровать.
За окном кусты и грядки мокнут,
а под крышей тишь, да благодать.

Я по Невскому иду...

Я по Невскому иду,
деда за руку веду,
чтобы дед скорее шел
и Макдональдс не прошел.

А то было, как-то раз,
он нашел на Невском лаз
и увел меня дворами
в планетарий с небесами.

Вместо колы и бигмака
звезды там смотрел без смака.
Но теперь не проведет,
мимо колы не пройдет.

Упрямая сестренка

Просил у мамы я не раз
отдать сестренку в первый класс.
На что мне мама отвечала —
прости, но время не настало.

А я уже устал читать,
букварь с картинками листать.
Сестренка мне его приносит
и почитать немножко просит.

Читать одну из новых книг
ее никак не убедить.
Ну, взять хотя бы эту сказку
про принца и Голубоглазку.

Нет, вот опять несет букварь —
давай читай его, давай.
Не потерять бы мне терпенье.
А, может, взяться за ученье?

Совместная зарядка

За внучкой я не поспеваю.
Она спешит на детский двор.
Я там про старость забываю,
когда сажусь на тренажер.

Под строгим внучкиным приглядом
кручусь, как белка в колесе.
Она кульбиты крутит рядом,
кружит во всей своей красе.

Трудна совместная зарядка,
но несравненно хороша.
Хотя бы тем, что внучка рядом,
и что поет моя душа.

Плюшевый дельфинчик

Плюшевый дельфинчик —
лучший внучкин друг.
Лучше всех конфеток,
лучше всех подруг.

С ним она играет,
песенки поет.
С нежным придыханьем
на руки берет.

Даже спать ложится
только вместе с ним.
С ним проводит ночи,
с ним проводит дни.

Вот такой подарок
из морских краев.
Больше стало смеха
и не слышен рев.

Падучая

У моей плаксивой внучки
обнаружилась болезнь.
Стала внученька падучей,
вот такая дребедень.

Как каприз, так сразу падать
у прохожих на виду.
И падение не в радость.
Врач сказал, что это дурь.

А от дури нет лекарства,
заклучил суровый врач.
Не найдешь такого царства,
где б уняли детский плач.

От такого откровенья
стало мне не по себе.
Я отдал бы за лечение
все, что нажито в судьбе.

Неужели неудача
будет нас сопровождать?
Неужели не удастся
нам падучую унять?

Внучкин голос

Хитрющей внучки воркованье
ласкает старческое ухо.
Она само очарование,
ей отказать, конечно, глупо.

И я опять иду навстречу
моей проснувшейся плутовке.
Ее простое красноречье
я не считаю за уловку.

И зря ученые вещают,
что каждый маленький — психолог.
Но отчего же сердце тает,
когда я слышу детский голос?

Стоит заснеженный жираф

Стоит заснеженный жираф,
глядит на детскую площадку.
Мороз, ни валко и ни шатко,
его друзей лишает прав.

В домах притихла детвора,
висят сосульки на качелях,
сугроб прибил к карусели,
прошла веселая пора.

Не раздаётся звонкий смех
у ног печального жирафа.
Все потому, что вьюга правит
земной поземкой без помех.

Человечек маленький

Человечек маленький,
но такой удаленький.
Все, за что берется,
с честью удаётся.

Воспитала кошку,
что глядит в окошко.
Та за нею тенью
прыгает на стенку.

Дрессирует кукол,
ставит мишку в угол.
Делает уборку,
только маме горько.

Внуку

Выключай-ка труса, внук ты мой любезный.
Проходи смелее жизненный порог.
Не ступай на горло горделивой песне.
Не дели с боязнью праздничный пирог.

Посмотри на небо в солнечном убранстве.
Убедись, что ясна школьная пора.
И почувствуй радость в жизненном пространстве.
В жизни быть мужчиной — классная игра.

Блинчики

На тарелке солнышек целая гора.
Мама кличет доченьку — завтракать пора.
Не спешит, капризная, норовит доспать,
ах, какая сонная у нее кровать.

Но приятным запахом тянет от дверей.
Одевайся, милая, выйди поскорей.
Умываться некогда, прямо ко столу.
Не садись грязнулею, нет сегодня слуг.

И плетется нехотя девочка к воде,
а в головке копятся мысли о еде.
Ну, какие утречком могут быть дела,
и какие вкусы мама создала?

А когда увидела солнышек копну,
поперхнулась слюнями, не смогла сглотнуть.
Ела со сметаной и вареньем тож.
Некогда рассиживать, кушать невтерпеж.

Только слышен в кухоньке за ушами треск,
а в глазах у девочки благодарный блеск.
Вот какие блинчики мама испекла,
для любимой доченьки ласку сберегла.

Две вороны

Плывут две льдины по Неве,
На каждой льдине по вороне.
Одна с раздумьем в голове —
Ну как бы мост не проворонить.

Другая черная плывет,
Плывет и в ус себе не дует,
То для потехи попоет,
То для веселья потанцует.

Одна разнервничалась вся,
Другая в панике не бьется,
А только весело смеется
И с чувством смотрит в небеса.

А впереди коварный мост
Секунды встречи приближает.
Сердечко первой замирает,
Вторая, карр, наводит лоск.

На первой льдине ералаш,
Вторая светится весельем.
Но мост не взял на abordаж
Ни ту, ни эту в день весенний.

Проплыли льдины под мостом,
Поплыли к Финскому заливу.
Одна ворона только злится,
А та в восторге бьет хвостом.

Мораль сей басни такова —
Не нужно попусту бояться
И мрачным мыслям отдаваться.
Учитесь страх одолевать.

Девчонка с хвостиком

Бежит девчонка с хвостиком
по парковой дорожке.
Бежит и улыбается
деревьям и кустам.

У маленького хвостика
совсем немного в прошлом.
Его судьба рисуется
с пречистого листа.

На чудное создание
глядят с восторгом люди,
И светятся улыбками
их добрые глаза.

Никто из окружающих
девчонку не забудет.
И я спешу о хвостике
знакомым рассказать.

Домовенок

Завелся в доме Домовенок.
Не Домовенок, а чертенок.
Он незаметно возникает
И очень быстро исчезает.

Он любит разное варенье
И ест его без сожаленья.
Еще конфеты исчезают,
А кто их съел, никто не знает.

Лежат надкусанные фрукты,
Мы их находим ранним утром.
И все грешат на Домовенка,
Не Домовенка, а чертенка.

И только мама точно знает,
Обжоркой Машу называет.

Соловей и воробей

Две маленьких птички на свете живут
Одной серой масти, но разное поют.
Одну воспевают поэты в стихах,
Другую гоняют с тростинкой в руках.

Певучую птицу зовут соловьем,
А птицу — чирикалку звать воробьем.
Сторонится хижин людских соловей,
Но слух убажает руладой своей.

А храбрый воробушек вьется у ног,
Но вовсе не ведает песенных нот.
И все же надежней для нас воробей,
Он даже в мороз не покинет людей.

А певчий соловушка только и ждет,
Когда теплый ветер его унесет.

Оглавление

Сомнение чувств	3
Жулики и лохи	5
Зависть	6
Загул	7
Игра в невинность	8
Зазывалы	9
Земля моя... ..	10
И моя боль	11
Испытанный сценарий	12
Истерия	13
Какая же... ..	14
Коварство	15
Корысть	16
Крестики, да нолики... ..	17
Крик души	18
Лживая хвalebность	19
Ложь	20
Любовный парадокс	21
Любовь сошла... ..	22
Любовь уехала опять	23
Любовь	24
Люди добрые... ..	25
Мама	26
Материнское начало	27
Мать и дитя	28
Машины	29
Мне не важно... ..	30
Мечта	31
Мечты	32
Медведь и хомяк	33
Моим родным	34
Мой ребенок	35

Моя стихия	36
Моя страничка	37
Моя судьба	38
Мужицкая тусовка	39
Муки ожидания	40
На берегу Невы	41
Надрыв	42
Нажать на кнопку	43
Наша жизнь	44
Не хочу я тебя... ..	45
Небо синее	46
Нева	47
Невские звоны	48
Недописанное письмо	49
Нежность	50
Ненависть	52
Неужели... ..	53
Ночная бездна	54
Ночная темь	55
Огонь Олимпиады	56
Ночь воспоминаний	57
Одиночество	58
Ожидание	59
Озарение	60
Олимпийский огонь	61
Пагубная трусливость	62
Памяти погибшей девушки	63
Паралимпийцам	64
Пасха	65
Певчая душа	66
Первый шаг	67
Перед выпадением в осадок	68
Перед школой	69
Письмо в Союз писателей	70
Письмо... ..	71
Пляжный отдых	72
Подлость	73

Покажи свою слабость...	74
Поле Куликово	75
Помойка	76
Портрет Лопухиной	77
Портрет	78
Поэт и время	79
Посредник	80
Предательство	81
Прости	82
Пьющая женщина	83
Разбросал я...	84
Руслану Проводникову	85
Рыбалка	86
Санкции	88
Сбитый Боинг	89
Свинья и шеф	90
Сенной рынок	91
Слеза	92
Слезы	93
Советы	94
Солнечная фея	95
Сочи олимпийский	96
Спасибо, милая	97
Старость	98
Статуетка	99
Стимул	100
Счастье	101
Твоя любовь	102
Товарищ мой...	103
Только ночь	104
Триада	105
Ты вернулась ко мне...	106
У стоматолога	107
Украинская стихия	108
Украинская сторона	109
Устал я...	110
Ушедшая душа	111

Футбольный фанат	112
Фотография	113
Хороший человек	114
Хорьки	115
Червь сомнений	116
Чувство любви	117
Шепни ей, Боже... ..	118
Эх, молодка... ..	119
Эх, судьбинушка... ..	120
Я в глазах твоих себя не вижу... ..	121
Я не желаю... ..	122
Я к тебе... ..	123
Я оголяюсь... ..	124
Я пью... ..	125
Я так хочу... ..	126
Оратория дождя	127
Спасительница	128
Гниды	129
Трель звонка	130
Тебе я песен не допел... ..	131
Молодящаяся осень	132
Мне сегодня... ..	133
Сколько жизней... ..	134
Две кумушки	135
Поиски детства	136
След друзей	137
Стань другом	138
Моя кровиночка	139
Виртуальное родство	140
Бой с тенью	141
Балаклавы	142
Мне не нужно высоких... ..	143
Соблазны	144
Почему....?	145
Возвращение к родному дому	146
Я Вас люблю... ..	147
Дым сигареты	148

Глаза	149
Моя Россия	150
Слово поэта	151
Развратное время	152
Люди от Бога	153
Мне не нужно... ..	154
Где вы... ..	155
Одиночество души	156
С добрым утром	157
День рождения дочери	158
Неужели... ..	159
Серый день	160
Влюбленный в небо	161
Невезучий день	162
Линии жизни	163
Моя блуждающая кровь	164
Забывчивость	166
Жизнь моя	167
Улетают птички караваны... ..	168
Компьютер	169
Любовь к ней	170
Друг мой, Славка	171
Прости меня	172
Чернота	173
Любовное причастие	174
Я, конечно, не ангел... ..	175
Злотворение	176
Скукоженные чувства	177
О детях и для них	179
На уроке	181
Танцовщица	182
Открытый взгляд ребенка	183
Первоклассник	184
Маленькая радость	185
Жираф и ежик	186
Глаза малышки	188
Детская слеза	189

Утята	190
Дворовая собака	191
Умная ворона	192
Скворечник	193
Синичка	194
Лягушечий концерт	195
Зяблик	196
Полет ласточки	197
Детское счастье	198
Страдалец	199
Червячок — дождевичок	200
Репейник	201
Бука	202
Ворчун	203
1 сентября	204
У Медного всадника	205
Сбор снарядов	206
Дошколята	207
Пират	208
Маленькое чудо	209
Лужица	210
Соня	211
Общение с внучкой	212
Перед Новым годом	213
Внучкин хоровод	214
Думы о бабушке	215
Снеговик	216
Волк и муха	217
Бегемот	218
Страшный сон	219
Спорщики	220
Гулечки	221
Мечтатель	222
Малыш и котенок	224
Спит мой маленький каприз... ..	226
Настырная тучка	227
В гостях у бабушки	228

Сонный рассказ	229
Песенка	230
Повторяшка	231
Маленький помощник	232
Без малышей	233
Вредная тучка	234
Я по Невскому иду... ..	236
Упрямая сестренка	237
Совместная зарядка	238
Плюшевый дельфинчик	239
Падучая	240
Внучкин голос	241
Стоит заснеженный жираф	242
Человечек маленький	243
Внуку	244
Блинчики	245
Две вороны	246
Девчонка с хвостиком	248
Домовенок	249
Соловей и воробей	250

Георгий Скрипкин

Крестики да нолики